

Юрий Валенкин

Я учусь делить точнее

Держу яблоко одно,
Пока целое оно.
Чтобы не терять друзей,
Я учусь делить точнее.

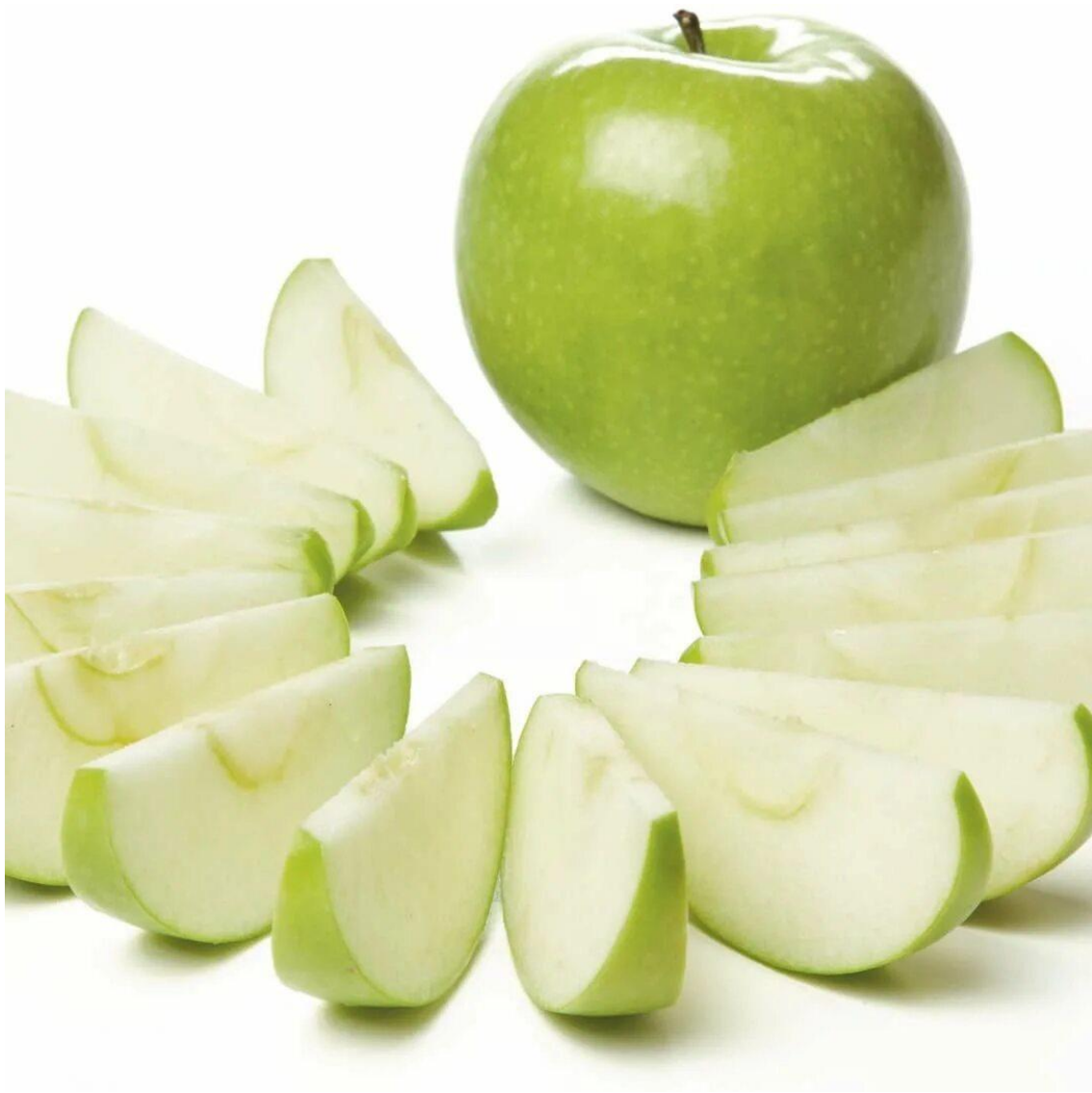
Чтобы не обидеть Нину,
Нужно дать ей половину.
Яблоко ножом вжик, пам,
Режу точно пополам.

Подошли ещё ребята,
Коля с Витей – дошколята.
Тоже яблочка хотят,
Аппетит есть у ребят...

Режу я ножом вжик, пам
Половинки пополам.
Поровну мы всем дадим
Яблочка и нам и им.

Ой... ещё подходит кто-то,
Всем съесть яблочко охота.
Одно яблоко на всех???
Не наешься, просто смех!!!

К маме лучше я схожу,
Ещё яблочко попрошу.
Тогда точно трам пам пам
Яблочек хватит всем друзьям.

Юрий Валенкин

Считал

Группа вся сидела в зале.
Нам сегодня объясняли
Про один, и два, и пять,
Нас учили всё считать.

Я сидел, смотрел в окно.
Нет, там не было кино,
Была столовая для птиц:
Воробьёв, скворцов, синиц.

Воспитатель мне сказал,
Ты, Петров, «ворон» считал.
И не знаешь, как считать:
Раз, два, три, четыре, пять!

Говорил не правду он
Я не видел там ворон!
Пять синичек насчитал,
Я же пальцы загибал.

И ещё три воробья
На кормушке видел я.
Воспитатель так сказал
«Он по пальчикам считал.

Пальчиков на ручке пять
Будем вместе их считать».
Мы всей группой считали,
Пальчики все загибали.

Счёт узнали до пяти
Нам домой пора идти.

Сказка про тюбик с клеем

Жил-был тюбик с клеем. Характер у него был вздорный.

Он то хвастался, что без него никуда, то впадал в уныние и без конца брюзжал. Хозяин дома держал его в кладовке на видном месте, чтобы всегда был под рукой. Вечером, уставший за день тюбик, потирая живот, жаловался на свою жизнь:

-Боже, как же я устал! Чувствую себя, словно выжатый лимон. Откололся от керамической кружки кусочек - клей, отслоился шпон от стула - тоже клей, стельки в босоножках оторвались - снова клей, шкатулку и даже уголок отставших обоев - клей, клей, клей! Если так дальше пойдет, то от меня ничего не останется, кроме жестяной оболочки.

-Счастливцев,- отозвался на стенания тюбика с клеем рубанок, - я уже третий год лежу на полке без дела, а так бы хотелось по доскам стругануть - вжик, вжик.

-А мне бы гвоздики позабавить,- откликнулся из ящика для инструментов молоток.

-А мы ждем не дождемся, когда молоток нас забьет в доски, которые гладко обстругает рубанок, - дружным металлическим хором отозвались из ящика гвозди.

-Ну, что ты себя все жалеешь, вечно себя экономишь, - мелодичным вкрадчивым голосом сказала зубастая ножовка, - только неделю назад склеил рамку для фотографии, а она уже опять покосилась, филонишь.

Из комнаты, где спали дети хозяина стали приходить игрушки:

-Дядя клей, приклей мне, пожалуйста, глазик - тоненьким голоском попросил плюшевый заяц.

-А мне кабинку приклейте, а то она вот-вот отвалится,- с мольбой в глазах-фарах уговаривал тюбик с клеем пластмассовый грузовик.

Другие игрушки тоже протяжными жалобными голосами просили их починить. Они больше всего на свете боялись, что дети перестанут с ними играть и тогда они станут не нужными.

-Отстаньте!- визгливо кричал на них клей,- И хватет на меня давить! У меня от вас разболелся колпачек, уйдите, не хочу никого видеть.

Прошли дни, недели и даже месяцы, хозяин дома постепенно починил всю домашнюю утварь и поломанные игрушки.

Клея осталось еще не мало, уж точно не меньше половины первоначального объема.

-Как же я отощал, - жаловался на судьбу тюбик с клеем, - сколько можно меня отжимать? Я весь сморщился и выгляжу, как старик, какой же я

несчастный.

Но на следующий день тюбик с клеем остался висеть в кармашке для инструментов, на следующий тоже и так много-много дней, потому что все в доме было уже отремонтировано.

Прошел месяц, потом год, а нужды в клее все не возникло.

Хозяева купили на кухню новую посуду, а детям новые прочные игрушки. Тюбик с клеем продолжал висеть без дела в темной кладовке

Сначала он радовался своему безделию и даже кичился тем, насколько прочно ему удалось все склеить. Но потом ему стало как-то скучно и даже возникло острое желание что-нибудь приклеить.

-Эй, ты, - с прежней высокомерностью кричал он плюшевому зайцу,- как твое ушко, приклеить не надо?

-Нет, спасибо, пришили уже, - отвечал плюшевый заяц.

-Ты смотри, на нитки надежды мало. А как там машинки поживают, может колесо, или дверцу приклеить кому?

-Дети с новыми игрушками редко играют, они ведь уже большие, в школу ходят.

-Ну, ладно, подожду, когда букварь разорвется, или мяч футбольный.

Но время шло и шло. Про тюбик с клеем все забыли. Так он и высох совсем.

Бжехва Я. «Клей», пер. с польск. Б. Заходер

"Клей"

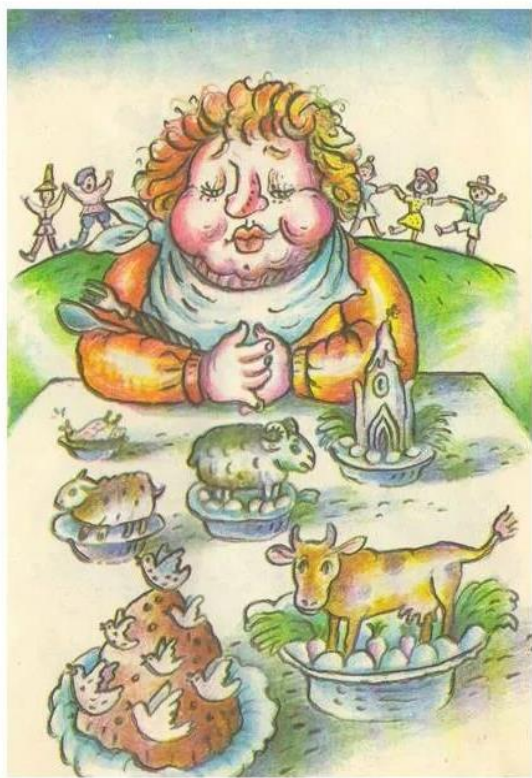
Эй,
Спасайтесь поскорей -
Убежал из кухни Клей!
Никого он не жалеет:
Всех,
Кого ни встретит,
Клеит!
Склеил банки и бутылки,
Ложки,
Плошки,
Чашки,
Вилки,
Склеил вешалку и шляпу,
Склеил лампу и пальто,
К стулу он
Приклеил папу -
Не отклеить ни за что!
Склеил книжки и игрушки,
Одеяла и подушки,
Склеил пол и потолок -
И пустился наутек.
Он бежит - и клеит, клеит.
Ну,
А клеить он умеет!
У витрины магазина
Зазевался ротозей -
Стала липкою витрина,
И прилип бедняга к ней!
Все скамейки стали клейки.
Кто присел -

Пристал к скамейке!
Вот какой-то мрачный тип
К милой девушке прилип,
Не успев закончить драки,
Кот
Приклеился к собаке,
А к трамваю
В тот же миг
Прилепился грузовик!
Побежал что было духу
К ним на помощь постовой
Постового, словно муху,
Клей приклеил
К мостовой!
Что же делать?
Все пропало!
Люди, вещи, звери, птицы
Все слепились как попало
И не могут
Разлепиться!
Гаснут в городе огни -
Тоже склеились они...
И глаза
Слипаться стали,
Чтобы все
Скорее спали!

англ. (обработка К. Чуковского)

«Барабек»

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом,
И кузницу с кузнецом,
А потом и говорит: «У меня живот болит!»

из сказок братьев Гримм, пер. с нем. А. Введенского, под ред. С. Маршака

«Бременские музыканты»

Много лет тому назад жил на свете мельник. И был у мельника осел — хороший осёл, умный и сильный.

Долго работал осел на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот, наконец, состарился.

Видит хозяин: ослабел осел, не годится больше для работы, и выгнал его из дому.

Испугался осел:

— Куда я пойду, куда денусь? Стар я стал и слаб.

А потом подумал:

«Пойду-ка в город Бремен и стану там уличным музыкантом».

Так и сделал. Пошел в город Бремен.

Идет осел по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осел. — Что с тобой?

— Устала, — говорит собака. — Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осел.

— Ах, осел, — говорит собака, — пожалей меня! Жила я у охотника, долго жила. По полям и болотам за дичью для него бегала, а теперь стара стала, для охоты больше не гожусь, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдем со мною в город Бремен, — отвечает ей осел, — сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший, ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит собака, — пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот; печальный сидит, невеселый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осел.

— Что ты такой невеселый? — спрашивает собака.

— Ах,— говорит кот,— пожалейте вы меня, осел и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил,— ловил крыс и мышей. А теперь вот стар стал, и зубы у меня притупились. Видит хозяйка — не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке. Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться,— не знаю.

Осел ему отвечает:

— Пойдем с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит кот,— пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли. Проходят мимо одного двора и видят: сидит на воротах петух и кричит во все горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осел.

— Что с тобой случилось? — спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах,— говорит петух, пожалейте вы меня, осел, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости приедут. Вот и собираются мои хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осел:

— Пойдем, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит петух,— пойдем.

Пошли они вместе.

Осел идет — кричит по-ослиному, собака идет — лает по-собачьи, кот идет — мяукает по-кошачьи, петух идет — кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осел и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам. Смотрел, смотрел и увидел — светится невдалеке огонек.

— Огонек светится! — кричит петух.

Осел говорит:

— Надо узнать, что это за огонек. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонек.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нем светится.

Осел подошел к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осел? — спрашивает его петух.

— Вижу я, — отвечает осел, — сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как есть хочется, — сказала собака.

— Ох, как пить хочется, — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух. Думали они, думали и придумали.

Осел тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали:

Осел — по-ослиному, собака—по-собачьи, кот — по-кошачьи, а петух закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату.

Испугались разбойники и убежали в лес.

А осел, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду. Ели, ели, пили, пили — наелись, напились и спать легли.

Осел растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на теплой печи, а петух взлетел на ворота.

Потушили они огонь в доме и заснули.

А разбойники сидят в лесу и смотрят из чащи на свой дом.

Видят — огонь в окошке погас, темно стало.

И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.

Подошел разбойник к дому, отворил дверь, зашел на кухню. Глядь, а на печи два огонька горят.

«Наверно, это угли,— подумал разбойник.— Вот я сейчас лучинку разожгу».

Ткнул он в огонек лучинкой, а это был кошачий глаз.

Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит!

Разбойник — в дверь. А тут его собака за ногу схватила.

Разбойник — во двор. А тут его осел копытом лягнул.

Разбойник — в ворота. А с ворот петух как закричит:

— Кукареку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

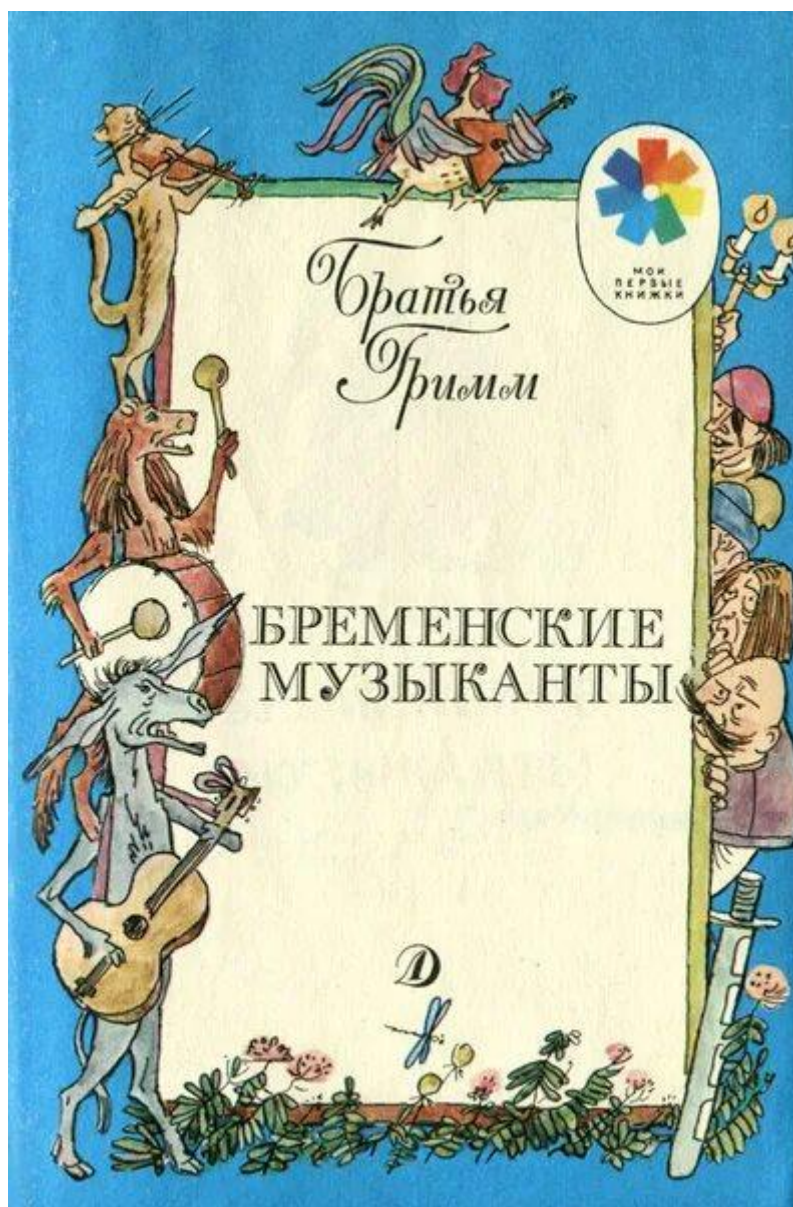
— Беда! В нашем доме поселились страшные великаны. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал,

третий меня по спине дубиной стукнул, а четвертый закричал мне вслед:
«Держи вора!»

— Ох,— сказали разбойники,— надо нам отсюда поскорее уходить.

И ушли разбойники из этого леса навсегда.

А бременские музыканты — осел, собака, кот и петух — остались жить у них
в доме да поживать.

Сергей Михалков

Дядя Степа

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванию Каланча,

По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Степу
За такую высоту.
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя книги брал со шкапа.
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на пол,
Вам, товарищ, все равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Степу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет,

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живешь? — кричат ребята.
Он чихнет — ребята хором:
— Дядя Степа, будь здоров!

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.
— Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся со смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?

Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей вышины,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Степе две минуты
Остается до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:
Вышка с вышки прыгать хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еле влез.
— Разрешите обратиться,
Я за выстрелы плачу.
В этот шар и в эту птицу
Я прицелиться хочу!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Степа просит кассу:
— Я пришел на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно просто, —
Раздается дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!
На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста.—
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Дядя Степа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно, —
Дяде Степе говорят.

— Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
Дом пылает за углом,
Сто зевак стоят кругом.
Ставит лестницы команда,
От огня спасает дом.
Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Степе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Степа с тротуара
Достает до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!
Я на флот служить пойду,
Если ростом подойду.

В коридоре смех и шепот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Степа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуть
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться!
Объясняют доктора.—

Все, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Степу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьется, как часы!
Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
И в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолете
Неудобно быть в полете:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Не бывает лошадей,
А на флоте вы нужны —
Послужите для страны!

— Я готов служить народу, —
Раздается Степин бас, —
Я пойду в огонь и воду!
Посылайте хоть сейчас!

Нелюдимо наше море,
Неспокойно в дни войны.
Днем и ночью на линкоре
Пушки все заряжены.

Глаз усталых не смыкает
Дядя Степа — старшина.
Без бинокля гладь морская
Хорошо ему видна.

Вдруг увидел дядя Степа
Километрах в тридцати
Что-то вроде перископа
У линкора на пути.

Так и есть! Гляди, моряк:
Под водой таится враг!
Залп один, за ним второй —
Тонут немцы под водой.

Дядя Степа улыбнулся,
К морю синему нагнулся,
Из пучины темных вод
Флаг фашистский достает.

Мокрый флаг, линючий флаг,
Под которым плавал враг.

— Отслужила тряпка фрицам! —
Заявляет старшина. —
Но в хозяйстве пригодиться
Может все-таки она.

Если свастику содрать,
Тряпку с мылом постирать, —
Приколотим на пороге,
Будем ноги вытирать!

Вот прошли зима и лето.
И опять пришла зима.
— Дядя Степа, как ты? Где ты?
Нету с моря нам ответа,
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?
Он идет,
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнем.
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нем.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Степа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.
Дали отпуск моряку.

Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване посижу,
После чая заходите —
Сто историй расскажу!

Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрюта, —
Что знакомы с дядей Степой,
С настоящим моряком.

Он домой идет с Арбата.
— Как живешь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу Маяком.

Дядя Степа — милиционер

Кто не знает дядю Степу?
Дядя Степа всем знаком!
Знают все, что дядя Степа
Был когда-то моряком.

Что давно когда-то жил он
У заставы Ильича.
И что прозвище носил он:
Дядя Степа — Каланча.

И сейчас среди великанов,
Тех, что знает вся страна,
Жив-здоров Степан Степанов —
Бывший флотский старшина.

Он шагает по району
От двора и до двора,
И опять на нем погоны,
С пистолетом кобура.

Он с кокардой на фуражке,
Он в шинели под ремнем,
Герб страны блестит на пряжке —
Отразилось солнце в нем!

Он идет из отделения,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от изумленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»

Дядю Степу уважают
Все, от взрослых до ребят,
Встретят — взглядом провожают
И с улыбкой говорят:

— Да-а! Людей такого роста
Встретить запросто не просто!
Да-а! Такому молодцу
Форма новая к лицу!
Если встанет на посту,
Все увидят за версту! —

Возле площади затор —
Поломался светофор:
Загорелся желтый свет,
А зеленого все нет...

Сто машин стоят, гудят —
С места тронуться хотят.
Три, четыре, пять минут
Им проезда не дают.

Тут сотруднику ОРУДа
Дядя Степа говорит:
— Что, братишка, дело худо?
Светофор-то не горит!

Из стеклянной круглой будки
Голос слышится в ответ:
— Мне, Степанов, не до шутки!
Что мне делать, дай совет!

Рассуждать Степан не стал —
Светофор рукой достал,
В серединку заглянул,
Что-то где-то подвернул...

В то же самое мгновение
Загорелся нужный свет.
Восстановлено движение,
Никаких заторов нет!

Нам ребята рассказали,
Что Степана с этих пор
Малыши в Москве прозвали:
Дядя Степа — Светофор.

* * *

Что случилось? На вокзале
Плачет мальчик лет пяти.
Потерял он маму в зале.
Как теперь ее найти?

Все милицию зовут,
А она уж тут как тут!

Дядя Степа не спеша
Поднимает малыша,
Поднимает над собою,
Над собой и над толпою
Под высокий потолок:
— Посмотри вокруг, сынок!

И увидел мальчик: прямо,
У аптечного ларька,
Утирает слезы мама,
Потерявшая сынка.

Слышит мама голос Колин:
— Мама! Мама! Вот где я! —
Дядя Степа был доволен:
«Не распалась семья!»

* * *

Шел из школы ученик —
Всем известный озорник.
Он хотел созорничать,
Но не знал, с чего начать.

Шли из школы две подружки —
В белых фартуках болтушки.
В сумках — книжки и тетрадки,
А в тетрадках все в порядке.

Вдруг навстречу озорник,
В ранце — с двойками дневник,
Нет эмблемы на фуражке,
И ремень уже без пряжки.

Не успели ученицы
От него посторониться —
Он столкнул их прямо в грязь,
Над косичками смеясь.

Ни за что он их обидел
У прохожих на виду,

А потом трамвай увидел —
Прицепился на ходу.

На подножку встал ногой,
Машет в воздухе другой!

Он не знал, что дядя Степа
Видит все издалека.
Он не знал, что дядя Степа
Не простит озорника.

От дверей универмага
Дядя Степа — в тот же миг
Сделал три огромных шага
Через площадь напрямик.

На трамвайном повороте
Снял с подножки сорванца:
— Отвечайте: где живете?
Как фамилия отца?

С постовым такого роста
Спорить запросто не просто.

* * *

На реке и треск и гром —
Ледоход и ледолом.

Полоскала по старинке
Бабка в проруби простынки.
Треснул лед — река пошла,
И бабуся поплыла.

Бабка охает и стонет:
— Ой, белье мое утонет!
Ой! Попала я в беду!
Ой, спасите! Пропаду!

Дядя Степа на посту —
Он дежурит на мосту.

Дядя Степа сквозь туман
Смотрит вдаль, как капитан.
Видит — льдина. А на льдине
Плачет бабка на корзине.

Не опишешь, что тут было!
Дядя Степа — руки вниз,

Перегнувшись за перила,
Как над пропастью повис.

Он успел схватить в охапку
Перепуганную бабу,
А старуха — за корзину:
— Я белье свое не кину!

Дядя Степа спас ее,
И корзину, и белье.

* * *

Шли ребята мимо зданья,
Что на площади Восстанья,
Вдруг глядят — стоит Степан,
Их любимый великан!

Все застыли в удивленье:
— Дядя Степа! Это вы?
Здесь не ваше отделение
И не ваш район Москвы!

Дядя Степа козырнул,
Улыбнулся, подмигнул:

— Получил я пост почетный! —
И теперь на мостовой,
Там, где дом стоит высотный,
Есть высотный постовой!

* * *

Как натянутый платок,
Гладко залитый каток.
На трибунах все встают:
Конькобежцам старт дают.

И они бегут по кругу,
А болельщики друг другу
Говорят: — Гляди! Гляди!
Самый длинный впереди!
Самый длинный впереди,
Номер «восемь» на груди!

Тут один папаша строгий
Своего спросил сынка:
— Вероятно, эти ноги
У команды «Спартака»?

В разговор вмешалась мама:
— Эти ноги у «Динамо».
Очень жаль, что наш «Спартак»
Не догонит их никак!

В это время объявляют:
Состязаниям конец.
Дядю Степу поздравляют:
— Ну, Степанов! Молодец!

Дядей Степою гордится
Вся милиция столицы:
Степа смотрит сверху вниз,
Получает первый приз.

* * *

Дяде Степе, как нарочно,
На дежурство надо срочно.
Кто сумел бы по пути
Постового подвезти?

Говорит один водитель,
Молодой автолюбитель:

— Вас подбросить к отделению
Посчитал бы я за честь,
Но, к большому сожалению,
Вам в «Москвич» мой не залезть!

— Эй, Степанов! Я подкину, —
Тут другой шофер позвал. —
Залезай ко мне в машину —
В многотонный самосвал!

* * *

В «Детском мире» — магазине,
Где игрушки на витрине, —
Появился хулиган.
Он салазки опрокинул.
Из кармана гвоздик вынул,
Продырявил барабан.

Продавец ему: — Платите! —
Он в ответ: — Не заплачу!
— В отделение хотите? —
Отвечает: — Да, хочу!

Только вдруг у хулигана
Сердце екнуло в груди:
В светлом зеркале Степана
Он увидел позади.

— В отделение хотите?
— Что вы! Что вы! Не хочу!
— Деньги в кассу заплатите!
— Сколько нужно? Заплачу!

Постовой Степан Степанов
Был грозой для хулиганов.

* * *

Как-то утром, в воскресенье,
Вышел Степа со двора.
Стоп! Ни с места!
Нет спасенья:
Облепила детвора.

На начальство смотрит Витя,
От смущенья морщит нос:
— Дядя Степа! Извините!
— Что такое?
— Есть вопрос!

Почему, придя с Балтфлота,
Вы в милицию пошли?
Неужели вы работу
Лучше этой не нашли?

Дядя Степа брови хмурит,
Левый глаз немного щурит,
Говорит: — Ну что ж, друзья!
На вопрос отвечу я!

Я скажу вам по секрету,
Что в милиции служу
Потому, что службу эту
Очень важной нахожу!

Кто с жезлом и с пистолетом
На посту зимой и летом?
Наш советский постовой —
Это — тот же часовой!

Ведь недаром сторонится
Милицейского поста

И милиции боится
Тот, чья совесть не чиста.

К сожалению, бывает,
Что милицией пугают
Непослушных малышей.
Как родителям не стыдно?
Это глупо и обидно!
И, когда я слышу это,
Я краснею до ушей...

У ребят второго класса
С дядей Степой больше часа
Продолжался разговор.
И ребята на прощанье
Прокричали: — До свиданья!
До свиданья! До свиданья!
Дядя Степа — Светофор!

Дядя Степа и Егор

*Я, друзья, скажу вам сразу:
Эта книжка — по заказу.*

*Я приехал в детский сад,
Выступаю у ребят.
«Прочитайте «Дядю Степу», —
Хором просит первый ряд.*

*Прочитал ребятам книжку,
Не успел на место сесть,
Поднимается парнишка:
«А у Степы дети есть?»*

*Что скажу ему в ответ?
Тяжело ответить: нет.
Я стихи про дядю Степу
Начал много лет назад.*

*И нигде про дядю Степу
Не сказал, что он женат.*

*Что однажды он влюбился,
Выбрал девушку одну,
И на Манечке женился,
И домой привел жену...*

* * *

Что стряслось в родильном доме
В этот зимний день с утра!
Это с кем гостей знакомят
Сестры, няни, доктора?

В светлой, солнечной палате,
Возле мамы, на кровати,
На виду у прочих мам,
Спит ребенок небывалый,
Не малыш, а целый малый —
Полных восемь килограмм!

По палатам слышен шепот,
Слышен громкий разговор:
— Родился у дяди Степы
Сын по имени Егор!

На седьмое отделение
В адрес папы-старшины
Направляет поздравленья
Вся милиция страны.

Поступают телеграммы:
«Что за новый Геркулес?»,
«Уточните килограммы»,
«Подтвердите точный вес».

Поздравляет город Горький
Октябрюта-малыши:
«Дяде Степе и Егорке
Наш привет от всей души».

Поздравляют дядю Степу
И Ташкент и Севастополь,
Малышу подарок шлет
Боевой Балтийский флот.

Поздравленья в отделение
Почтальон носить устал.
Дядя Степа от волненья
Заикаться даже стал.

* * *

Богатырь, а не ребенок!
Как не верить чудесам?

Вырастает из пеленок
Не по дням, а по часам.

Вот уж ест кисель он с ложки,
Говорит: «Агу, ага...»
Вот уже он встал на ножки,
Сделал первых два шага.

Вот уже стоит Егорка
У доски с мелком в руке,
Вот и первая пятерка
У Егорки в дневнике...

По часам он спать ложится,
Указания не ждет.
Если даже что-то снится —
В семь утра Егор встает.

В зной, в мороз ли — все равно
Раскрывает он окно.
Быстро делает зарядку,
Ест на завтрак яйца всмятку,
Пять картофельных котлет,
Два стакана простокваши
И тарелку манной каши —
Каша тоже не во вред!

* * *

Про Степанова Егора
Слух разнесся очень скоро:
Мальчугану десять лет,
Но у малого ребенка
Не по возрасту силенка,
Не ребенок, а атлет!

Среди тысяч малышей
Нет подобных крепышей.

Назревает где-то ссора,
Переходит в драку спор —
Нет ни драки, ни раздора,
Если рядышком Егор.

Хоть и ростом не в отца —
Не обидишь молодца:
Он кладет на две лопатки
В школе лучшего борца —

Чемпиона по борьбе
Из седьмого класса «Б».

Дядя Степа рад и горд,
Что сынишка любит спорт.

* * *

Раз в снегу застряла «Волга»,
Буксовала очень долго,
Буксовала б до сих пор —
Не заметь ее Егор.

За рулем водитель косо
Смотрит с грустью под колеса,
Про себя бормочет зло:
«Вот беда, как занесло!»

Подошел Егорка сзади
И помог чужому дяде:
Уперся в забор ногой,
Поднажал разок-другой...

Дядя очень удивился,
Дал сигнал и покатился!

* * *

По траве скользят ботинки,
В синеве орлы парят.
Растянулся по тропинке
Туристический отряд.

Всем в походе трудновато —
Все идут не налегке,
И лежат не пух и вата
В пионерском рюкзаке.

В гору движется гора
Всевозможного добра —
Это тащит наш Егорка
Две палатки, два ведерка
И дровишки для костра.

Нагрузил он столько клади,
Что ни спереди, ни сзади
Не признаете его.
Что поделать, раз в отряде
Нет сильнее никого!

* * *

День за днем, из года в год
Дядистепин сын растет.
Краснощек, широк в плечах,
Ходит в первых силачах.
Коренаст и мускулист
Всеми признанный штангист.

Первый день соревнования.
В зале слышится: «Внимание!
Выступает «средний вес»!»
На помост Егор выходит,
Люди глаз с него не сводят,
Проявляют интерес.

В этом зале не впервые
Бьют рекорды мировые —
И медали золотые
Выдаются мастерам.
В этот раз рекорд Европы
Бьет сынишка дяди Степы:
Поднимает,
Выжимает...
Триста тридцать килограмм!

От такой большой удачи
Дядя Степа чуть не плачет,
Шепчет на ухо жене:
— Я, Маруся, как во сне...

Чемпиону сразу дали
Золотые две медали.
Позвонили из газет:
Срочно требуют портрет.
Два заморских репортера
Просят вежливо Егора
На вопросы дать ответ.

— Сколько лет вам?
— Двадцать лет.
— Ваше главное желанье?
— Получить образование.
— Кем же вы хотите стать?
— Между звездами летать!

Улыбнулись репортеры:
— Вы умеете мечтать?
— Да! — сказал Егор. — Умею.
Отказать себе не смею!
Так мечтает вся страна,
Вся семья большая наша...
Познакомьтесь, мой папаша —
Милицейский старшина!

Репортеры поклонились,
По-английски извинились
И, закрыв магнитофон,
Быстро выбежали вон.

* * *

Порт открыт международный —
Порт воздушный, а не водный.
Новый аэровокзал.
Пассажиров полный зал.

Через каждую минуту
Отлетают корабли —
Тот в Гавану, тот в Калькутту,
На другой конец земли.

Как небесные принцессы,
Пробегают стюардессы.

Пограничная охрана
На своих стоит постах:
Ставит штампы в иностранных
И в советских паспортах.

У людей в руках билеты,
И букеты, и пакеты.
Громкий говор. Шутки. Смех.
Только это не туристы,
А гимнасты, и штангисты,
И, конечно, футболисты —
Мы отлично знаем всех!

Все они по именам
С детских лет знакомы нам...

Провожают мамы, папы,
Дяди Коли, тети Капы,
Внуки, дочери, сыновья —

Есть у каждого семья!
На прощанье все подряд
Вперемешку говорят:
— Побежишь — не оступишь,
Прибежишь — не простудишь!

— В каждом деле нужен опыт,
Чтобы зря не тратить сил...

С сыном шутит дядя Степа:
— Штангу дома не забыл?

Миновали три недели.
— Прилетели?
— Прилетели!
— Как летели? Не устали?
— Всё в порядке!
— Где медали? —
Голоса со всех сторон...

— Здравствуй, сын!
— Здорово, папа! —
Дяде Степе крикнул с трапа
Олимпийский чемпион.

* * *

Есть у нас малоприметный
Городок полусекретный,
Окружил его забор...

Среди летчиков военных —
Испытателей отменных —
В городке живет Егор,
Он по званию майор.

Сильный, смелый и серьезный,
Он достиг своей мечты
В изученье дали звездной,
В покоренье высоты.

Чтобы выполнить задание
На ракетном корабле,
Неземные испытания
Проходил он на Земле.

И однажды утром рано
Мы услышим в тишине:

«Космонавт Егор Степанов
С Марса шлет привет Луне!»

То-то будет сообщение:
«С Марса шлет привет Луне!»
То-то будет восхищенье!
И в седьмое отделение
От министра поздравленье
Дяде Степе — старшине!

Дядя Степа — ветеран

Жил в Москве Степан Степанов
Знатный милиционер.
А теперь Степан Степанов —
Рядовой пенсионер.

Ветеран в годах немалых,
Человек уже седой.
Изо всех людей бывалых
Все же самый молодой.

Не сидит Степанов дома,
Не глядит весь день в окно
И не ищет он знакомых,
Чтоб сразиться в домино.

Чем же занят дядя Степа,
Детства нашего герой?
Как и прежде, дядя Степа
Крепко дружит с детворой.

Взять, к примеру, стадион —
Где ребята, там и он!
В зоопарк ребят ведут —
Дядю Степу дети ждут.

Вот своим широким шагом
Через площадь он идет.
А вокруг детей ватага —
Любознательный народ.

— Расскажите, дядя Степа,
Как живет ваш сын Егор?

— Покажите, дядя Степа,
Как глядеть через забор? —

Дядя Степа рад стараться:
— Покажу! Смотрите, братцы!..

— Он не знает чувства меры, —
Говорят пенсионеры.
— Дядя Степа и сейчас
Хочет быть моложе нас!

* * *

Разве что-то есть на свете,
Что надолго можно скрыть?
Пятиклассник Рыбкин Петя
Потихоньку стал курить.

У парнишки к сигаретам
Так и тянется рука.
Отстает по всем предметам,
Не узнать ученика!

Начал кашлять дурачок.
Вот что значит — табачок!

Дядя Степа брови хмурит:
— Кто из вас, ребята, курит?
Я курящих не терплю!
Сам здоровье не гублю!
Вы — сознательный народ!
Тот, кто курит, шаг вперед!

За себя один в ответе,
Покраснев при всех как рак,
Пятиклассник Рыбкин Петя
Сделал требуемый шаг.

Что тут много говорить?
— Обещаю не курить!

Подмигнул Степанов детям,
Руку мальчику пожал...
Знают все, что Рыбкин Петя
Слово данное сдержал.

* * *

Высоту берет пехота —
В наступлении войска.
Как лягушку, из болота
Кто-то тянет «языка».

Даже девочкам не спится,
Им, медсестрам, не до сна...
То идет игра «Зарница» —
Не военная война.

Дядя Степа на пригорке
Да еще на бугорке
Наблюдает взглядом зорким
За сражением вдалеке.

Подбежал Вертушкин Митя,
Просит взводный командир:
— Дядя Степа! Хоть пригнитесь!
Вы ж такой ориентир!

Дядя Степа улыбнулся,
Но послушался — пригнулся.

Видит бывший старшина:
Хоть играют, а война!

* * *

Окружили дядю Степу,
Прямо в штаб ведут его:
— Признавайтесь, дядя Степа,
Вы «болели» за кого?

— Я не буду отвечать,
Мне положено молчать.
Я задержан. Я в плену.
Ни словечка не сболтну!

* * *

Как-то утром дядю Степу
Повстречали во дворе;
— Вы куда?
— Лечу в Европу!
Дома буду в сентябре.
Есть билет и есть путевка,
Самолет Москва — Париж.

Отказаться ведь неловко:
И не хочешь — полетишь!
Все заходят в самолет:
— Ну, вези, Аэрофлот!

Дядя Степа в кресло сел,
Пристегнулся. Завтрак съел.
Только в руки взял газету —
Что такое? Прилетел!
На три точки приземлился
И в Париже очутился.

Башню Эйфеля в Париже
Дядя Степа посетил.
«Вы, конечно, чуть пониже!» —
Переводчик пошутил.

В старой ратуше туристов
Принимал почтенный мэр,
За Париж бокал искристый
Поднял наш пенсионер.

Сидя рядом с партизаном,
О Москве поговорил,
Двум рабочим-ветеранам
По матрешке подарил.

Дядю Степу приглашали
И в музей, и в ресторан
И повсюду представляли:
«Это — русский великан!»

И однажды, с чемоданом
Сквозь рентген пройдя сперва,
Сел турист Степан Степанов
В самолет Париж — Москва.

У окошка в кресло сел.
Пристегнулся. Завтрак съел.
Только взялся за газету —
Что такое? Прилетел!

— Как леталось, дядя Степа?
— Как здоровье?
— Как Европа? —
А Степанов всем в ответ:
— Лучше дома — места нет!

* * *

В пятом классе сбор отряда.
Всем на сбор явиться надо!

Объявляется аврал:
Дядя Степа захворал!

Дядя Степа простудился
И в кровати очутился.
А друзья уж тут как тут:
Те вошли, а эти ждут...

Кто несет ему варенье,
Кто свое стихотворенье,
Кто заваривает чай:
— Дядя Степа! Вот малина,
Пейте вместо аспирина!
— Дядя Степа! Не скучай!..

И, растрогана вниманьем,
Благодарности полна,
Всех встречает тетя Маня —
Дядистепина жена.

Не прошло еще недели,
Дядя Степа встал с постели,
Вышел в пятницу во двор,
А навстречу сын Егор.

Повстречались сын с отцом,
Каждый смотрит молодцом!

— Можешь нас поздравить с дочкой!
Космонавт отцу сказал...
Надо здесь поставить точку.
Дядя Степа дедом стал!

* * *

Ветеран Степан Степанов,
Если здраво посмотреть,
Должен поздно или рано,
К сожаленью, умереть.

Удивительное дело:
День за днем, за годом год,
Столько весен пролетело,
А Степанов все живет!

Он и пенсию имеет,
И преклонные года,
Но уже не постареет
Ни за что и никогда!

Те, кто знал его когда-то
И ходил с ним в детский сад,
Те сегодня бородаты
И знакомят с ним внучат.

Дядя Степа с ними дружит —
Он ребятам верно служит
И готов всегда, везде
Им помочь в любой беде.

Знают взрослые и дети,
Весь читающий народ,
Что, живя на белом свете,
Дядя Степа не умрет!

норвежск. нар. песенка (обработка Ю. Вронского)

«Песня моряка»

Мы поднимаем якоря

И отплываем чуть заря.

Море зовёт, Ветер поёт:

Вперёд!

Вперёд!

Вперёд!

Мы поднимаем якоря

И отплываем чуть заря.

Помни свой край!

Не унывай!

Прощай!

Прощай!

Прощай!

Генрих Сапгир

Садовник

Мы вчера в саду гуляли.
Мы смородину сажали,
Яблони белили мы
Известью, белилами.
Починили мы забор,
Завели мы разговор.
— Ты скажи, садовник наш,
Что ты нам
В награду дашь?
— Дам в награду
Слив лиловых,
Самых лучших
Груш медовых,
Самых крупных,
Самых сладких
Спелых яблок
Два десятка,
Вишен
Целый килограмм!
Вот что дам
В награду вам.
Ну и мы в саду гуляли.
Мы смородину ломали.
Мы по саду бегали,
Ничего не делали.
Повалили мы забор,
Завели мы разговор.
— Ты скажи, садовник наш,
Что ты нам
В награду дашь?
— Дам в награду
Самых лучших
От крыжовника
Колючек,
Горьких косточек
От сливы

Да ещё
Букет крапивы
С лебедою
Пополам!
Вот что дам
В награду вам.
По работе
И награда.
Выходите вон
Из сада!

англ. (обработка С. Маршака)

«Шалтай-Болтай»

Шалтай-Болтай

Сидел на стене.

Шалтай-Болтай

Свалился во сне.

Вся королевская конница,

Вся королевская рать

Не может Шалтая,

Не может Болтая,

Шалтая-Болтая,

Болтая-Шалтая,

Шалтая-Болтая собрать!

Самуил Маршак

Пограничники

На ветвях заснули птицы,
Звезды в небе не горят.
Притаился у границы
Пограничников отряд.
Пограничники не дремлют
У родного рубежа:
Наше море, нашу землю,
Наше небо сторожат....

Звездолетчики

Рисунки и оформление Л. Хайлова.

Приходилось ли вам, ребята, тёмной ночью смотреть на небо? Правда, в городе видеть звёзды мешает электрический свет, да и в деревнях сейчас почти повсюду горят лампочки. А кроме того, ночью все спят, и папа с мамой не разрешают бродить под открытым небом.

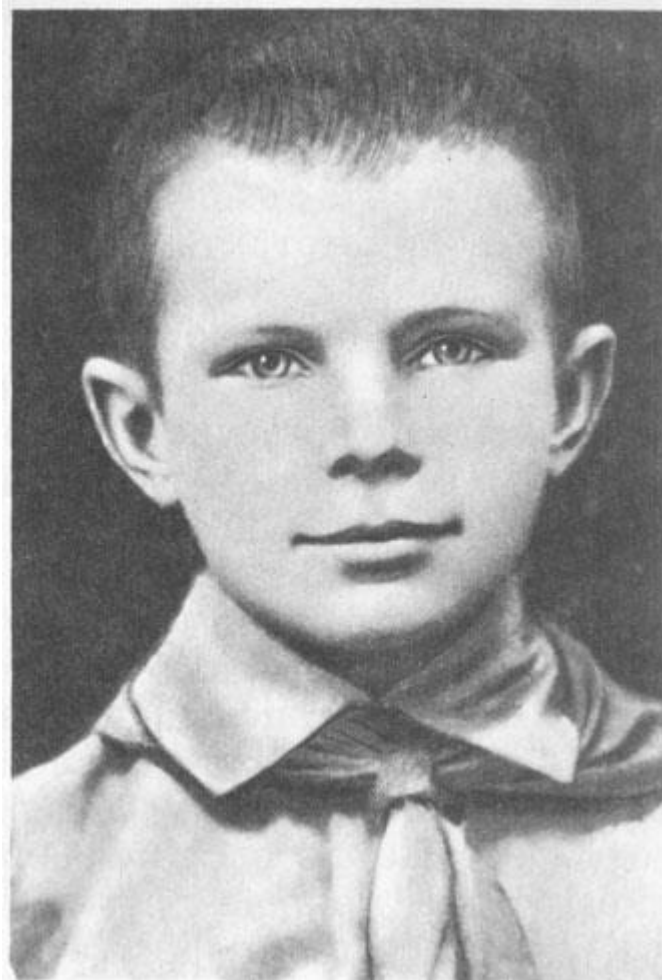
Но если вам всё же удастся выйти в поле, ну хотя бы вечером, постойте минутку. Видите, на небе сколько звёзд — не сосчитать: одни, большие, светят ярко, не мигая, другие, крошечные, мерцают где-то там, вдали, словно манят. Через всё небо светлая полоса — Млечный Путь! А луна! Она не всегда бывает круглой. Сегодня виден только серп, и свет от него мягкий, таинственный...

А почему только серп? И почему луна светит, а не греет? И что такое Млечный Путь? Из чего он? Да, многое хочется узнать. Но кругом всё дремлет, и нам с вами пора спать. Хотя в этот вечер вряд ли удастся быстро заснуть. Перед вашими глазами всё ещё будут стоять эти далёкие звёздочки, и вам обязательно захочется слетать к ним.

Мы с вами живём в удивительное время, когда самые необыкновенные мечты начинают сбываться. Наш замечательный лётчик-космонавт Юрий Гагарин первым из людей уже совершил полёт в космос. Следом за ним в космосе побывали ещё пять советских героев — Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский и первая женщина-космонавт Валентина Терешкова.

Но кто они, эти счастливицы? Почему именно им удалось первыми проникнуть в космос? Может, они необыкновенные силачи? Может, они и родились уже богатырями? А может, были самыми обыкновенными мальчишками и девчонками, такими, как все? И как они стали космонавтами?

Вот об этом я и хочу рассказать.

ЗАПУСКАТЬ ЗМЕЯ

Юра-а, бежим на луг,
там ребята змея
запускают!

— Сейча-а-ас!

Юра выбежал из
дому.

— Осторожнее! —
кричит мать.

Но где там!
Споткнувшись о
камень, он падает,
вскакивает, потирает
ушибленное колено и,
сверкая голыми
пятками, мчится
догонять товарищей.

А на лугу, возле речки, уже полно ребят. Огромный змей, распушив мочальный хвост, медленно, но упорно идёт вверх.

— Нитку не держи, отпускай нитку!

— Пошё-ёл, пошё-ёл! Ур-р-а-а!!

Здрав голову, ребята мчатся по лугу. А змей, помахивая мочалкой, лезет всё выше и выше. И вдруг что-то случилось.

— Хвост, смотрите, хвост отрывается... — загалдели ребята.

Змей заметался и кувырком полетел вниз.

— В воду упадёт, тяни нитку!

Поднимая брызги. Юра бросился в речку. Но змей раньше его плюхнулся в воду. Подбежали и другие ребята, подхватили змея. Но он уже намок.

— Эх, теперь не полетит.

— Сушить надо.

— И хвост оторвался.

— Ну, хвост новый приладим.

И, подняв змея над головами, вся ватага направилась к ближайшему сараю.

Юре тоже хотелось подержать хотя бы краешек змея, но он меньше других и не достаёт.

— Ю-ра, иди скорей, что тебе купили!..

Это кричит Зоя, Юрина сестра. В руке у неё букварь.

— Ух какой! — Юра схватил букварь. Подбежали ещё ребята:

— С картинками!

— Юр, покажи!

— Во, смотрите, новенький. — Юра протянул букварь. — А я в школу пойду! А я в школу пойду! — закричал он и перекувырнулся через голову.

ВОЙНА

Да, скоро в школу. Но что это? Почему вдруг заголосили женщины? Почему Юрин отец так взволнован? Почему мать, закрыв лицо руками, опустилась на скамью? Война. Нежданная, негаданная. Это не та, в которую Юра любил играть со своими друзьями. Эта война несла горе, слёзы, смерть... Почти все мужчины ушли на фронт. Село Клушино сразу притихло, словно вымерло. Даже ребят не видно. На лугу больше не запускают змея, не играют в лапту и горелки.

А как же школа? Она пуста. Юра походил немного, пописал палочки, крючочки, и

ученье кончилось. Немцы совсем близко. Уже слышно, как стреляют пушки. А через село днём и ночью идут беженцы, везут раненых, двигаются войска...

Вскоре село заняли фашисты. Они выгнали колхозников из домов, и тем пришлось поселиться в землянках. Стали жить в землянке и Гагарины.

Шли дни, недели... Пришла зима, но немцы не уходили. Они шныряли по деревне, отбирали тёплые вещи, еду.

Самолёты! Юра давно научился по звуку различать чьи — наши или немецкие. Вон тот, что с противным завыванием кружит над селом, — фашист, а эта шестёрка, что на «бреющем» пролетела, — свои. И вот уже за горизонтом слышатся глухие взрывы.

Самолёты летят назад. Но почему их только пять? А где шестой?

Вот он. Его подбили. Объятый пламенем, он спускается всё ниже, ниже... Но не сдаётся и из всех пулемётов строчит по немецкой колонне, идущей по дороге. А потом послышался глухой удар, и вихрь пламени взметнулся кверху. Когда

подбежали к обломкам самолёта, они уже догорали.

— Свой, свой!.. — От обиды Юра горько заплакал.

Он глядел не мигая, и в его потемневших глазах красным угольком светился отблеск пламени.

Но вот возле Клушина снова заговорили пушки. Сидя в землянке. Юра слушал, как рвались снаряды.

Фашисты бежали. Встречать своих вышли все жители села. Впереди, конечно, ребята. Они кричали «ура», махали руками, подбрасывали вверх ушанки.

Мимо них по дороге шли автомашины, тягачи, пушки; в открытом люке головного танка — полковник. У него зелёные погоны, серая папаха. Он смотрел на ораву мальчишек, махал им в ответ, но у него и в мыслях не было, что один из них — вон тот, белоголовый, в подшитых отцовских валенках, в распахнутой шубейке. Юра Гагарин, — будущий первый лётчик-космонавт, и что именно его, майора Юрия Гагарина, через восемнадцать лет он будет встречать под Саратовом как героя. Да, скажи кто-нибудь полковнику, что так будет, он бы ни за что не поверил. А впрочем, может, и поверил бы. Ведь его танкисты тоже с виду простые парни, а какие творят чудеса!

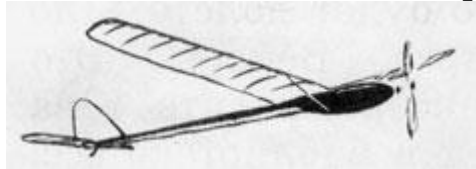
Фашистов гнали всё дальше и дальше. И уже не слышно стало орудийной стрельбы и не видно зарева горящих домов. Война где-то там, на западе, ещё шла, но в Клушине стало тихо.

Ребята сами побелили, вымыли школу, починили парты и наконец-то смогли приняться за учёбу. Ни книг, ни тетрадей не было, и первое время писали на чём придётся: на старых газетах, на обёрточной бумаге, на обрывках обоев. А считать учились не на палочках, а на патронных гильзах. Чего-чего, а этого добра у ребят были полны карманы.

ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

Когда у Юрия впервые зародилась мысль стать лётчиком, трудно сказать. Мальчишкой он с увлечением мастерил на отцовском верстаке модели самолётов и запускал, правда не всегда удачно. А как-то в школе они сделали модель с бензиновым моторчиком. Вот тот уж полетел так полетел! Потом они с

трудом его отыскиали.

Но всё это было ещё только забавой. Решение стать лётчиком пришло позже. А пока Юра пошёл на завод учиться на литейщика.

В литейном ему понравилось. Огромная печь пышет жаром, расплавленный металл течёт по жёлобу, брызжет искрами — того гляди, сожжёт. А люди не боятся. Они что хотят, то из него и делают.

Вы знаете: если песочницу набить полную песка и, перевернув её, осторожно снять, то на земле останется «куличик» со всеми зубчиками и рисунками, какие были на песочнице. Вот так и у литейщиков. В железном ящике без дна (опоке) Юра делал из земли форму, в неё наливали расплавленный металл, и, когда он застывал, получалась какая —нибудь часть машины — шестерёнка, вал.

Но как ни хорошо в литейном, а Юре хотелось учиться дальше, и он поступил в техникум.

Юрий много читал. Однажды ему попалась книга великого русского учёного К. Э. Циолковского о ракетах, на которых можно будет долететь до Луны, Марса, Венеры. Это было так интересно, что Юра тут же взял в библиотеке всё, что там было о полётах в космос. Ему представились космические корабли, мчащиеся далеко-

далеко от Земли.

Вот Луна. Оказывает-ся, она не такая маленькая, как казалось ему раньше. Вблизи

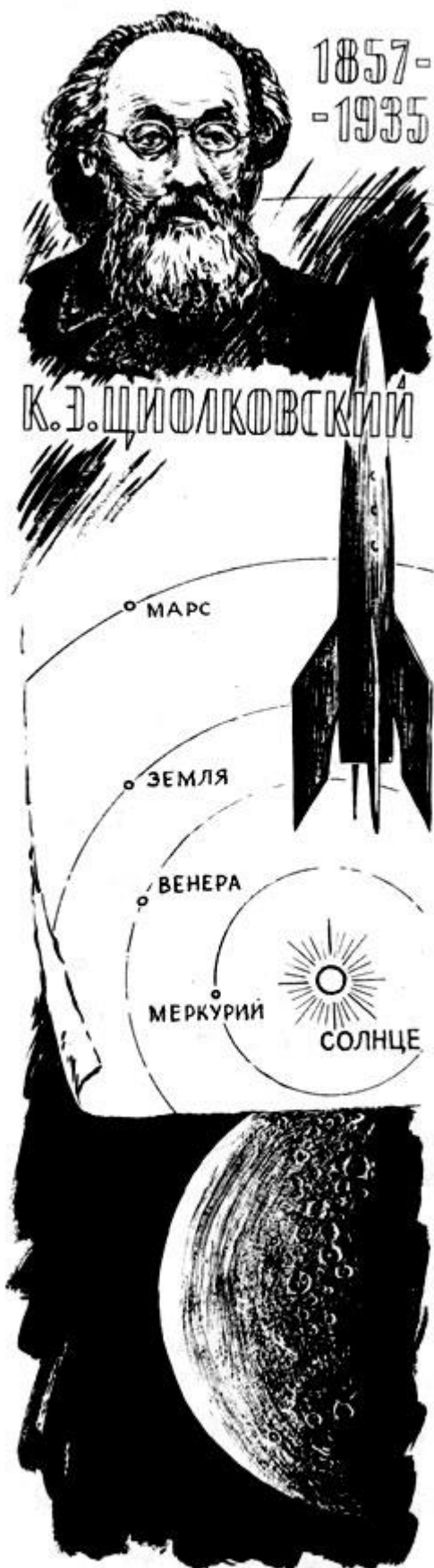
она огромная,

А пока Юра пошёл учиться на литейщика.

с её горами, высохшими морями... А может, воды на Луне никогда и не было? И воздуха там нет. А как на Марсе?

Полететь бы на Марс и узнать, что за полосы видят на нём учёные в телескоп? Каналы? А кто их прокопал? Марсиане?

Прочитанные книги не давали Юрию покоя. Ракеты, о которых в этих книгах было написано, ещё не были построены. Но в небе каждый день кружили самолёты, и Юрию неудержимо захотелось самому летать. Он поступил сначала в аэроклуб, а затем в лётное училище.

В НЕБЕ

Научиться летать не просто. Сначала будущие лётчики изучают самолёт на земле, потом вместе с инструктором поднимаются в воздух, и тот долгое время учит их управлять самолётом. Только после этого им доверяют летать самостоятельно.

Юрию особенно запомнились эти первые полёты. Он один в воздухе. Потянул ручку управления на себя — и самолёт, задрав нос, лезет вверх. Толкнул ручку от себя — самолёт стал опускаться. Положил ручку влево — и самолёт послушно повернул налево. Ровно стрекочет мотор, словно песню поёт. Внизу, куда ни глянешь, — поля, леса, деревни. Тонкими бечёвками петляют речушки, и широкой лентой протянулась Волга. Видно далеко-далеко, дух захватывает! А под крылом самолёта — луг, стадо коров, босоногий подпасок, задрав вихрастую голову, неотрывно следит за самолётом.

Когда-то и он, Юра, помогал пастуху стеречь колхозное стадо. Тогда и он вот так же, забыв про всё, провожал глазами летящий самолёт. Теперь он уже почти лётчик. А кем станет этот мальчуган?

Научившись хорошо управлять учебным самолётом, Юрий перешёл на более быстрый — реактивный. Когда пролетает такой самолёт, не скоро его и заметишь. Он неслышно, словно птица, промчится над тобой и уже скроется за ближайшим лесом, только после этого донесётся грохот реактивного двигателя. Это значит — лететь быстрее звука.

Юрий окончил лётное училище, и его послали на Север охранять воздушные границы нашей страны.

Уже были запущены первые спутники Земли. Сначала с научными приборами, а потом и с собакой Лайкой. Потом высоко в космос взлетели на ракетах собаки Малышка, Альбина, Белянка, Отважная... Летали на ракетах кролики Марфуша и Звёздочка, мыши и даже мухи.

Юрий тогда не знал ещё, что совсем скоро сможет полететь и человек. И огорчился, думая, что это случится, когда он уже будет старым.

Но однажды его вызвал командир и спросил:

— Хочешь лететь на ракете в космос?

— Конечно, — ответил Юрий.

Но лететь в ракете хотел не только Гагарин, но и многие другие.

Врачи внимательно и придирчиво осмотрели их всех и отобрали лишь немногих — самых здоровых и выносливых. Среди них был и Юрий Гагарин.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ШКОЛА

Была уже весна. С крыш свисали сосульки. Днём снег быстро таял, растекаясь в лужицы, а ночью лужицы покрывались ледком, и он хрустел под ногами.

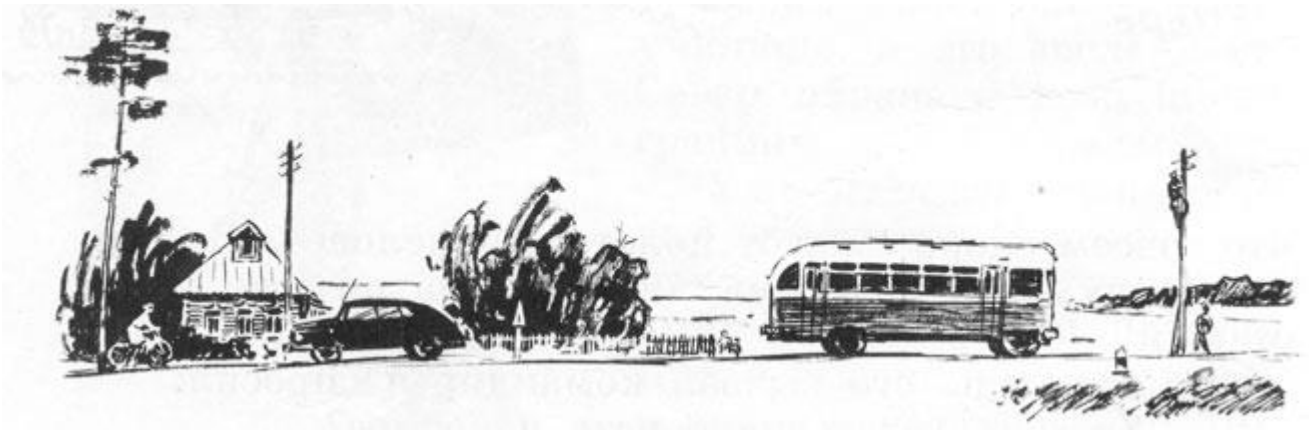
В отряд будущих космонавтов Юрий Гагарин прилетел на самолёте. С ним была Валентина Ивановна и дочурка Леночка. На аэродроме пересели в автобус и поехали в городок космонавтов.

Мимо мелькали столбы, дорожные знаки, с шумом проносились встречные машины.словно из-под земли выросли по обочинам дороги мохнатые ёлочки и высоченные сосны. Если не смотреть вперёд, то казалось, что автобус мчится прямо по лесу, а деревья, будто уговорившись, молча уступают дорогу. Пряный запах хвои ворвался в окно, приятно защекотал в носу.

— Верно, здесь хорошо? — спросил Юрий.

Валя кивнула.

Автобус резко свернул вправо, и вскоре в просвете между деревьями показались дома. Ещё один поворот, и автобус остановился возле большого нового дома.

Навстреч
у спешил
невысокого
роста
лётчик. С
ним была
девочка лет
четырёх.

Познако
мились. Это
был Павел
Романович
Попович,
тоже
будущий
космонавт,
и его дочка

Наташа.

— Пойдёмте, покажу вашу квартиру,
— сказал Павел Романович. — Я ведь
здесь вроде как за главного.

Павел Попович и в самом деле был «за
главного», потому что одним из первых
приехал в отряд космонавтов.

Как только Гагарины разместились на
новой квартире, Юрий Алексеевич
отправился вместе с Павлом Романовичем
осмотреть городок космонавтов. Гагарину
не терпелось поскорее узнать, где и как
они будут заниматься.

Школ у нас очень много, и все они
разные. Есть такие, где учат читать,
писать, считать. В классах таких школ
стоят парты, на стенах чёрные доски, на
них пишут мелом. Есть школы, где учат
разным ремёслам — столярному,
слесарному, токарному. В таких школах
стоят верстаки, разные станки —
сверлильный, строгальный, токарный;
разложены инструменты — рубанки,
молотки, пилы, напильники. Есть

музыкальные школы; там стоят рояли, виолончели, баяны.

Ну, а школа лётчиков-космонавтов — какая она? Ведь таких школ ещё не было. Это была первая.

Юрий увидел дома — одни круглые, другие какие-то изогнутые, и на дома-то непохожие. Внутри них стояли огромные и совсем непонятные машины.

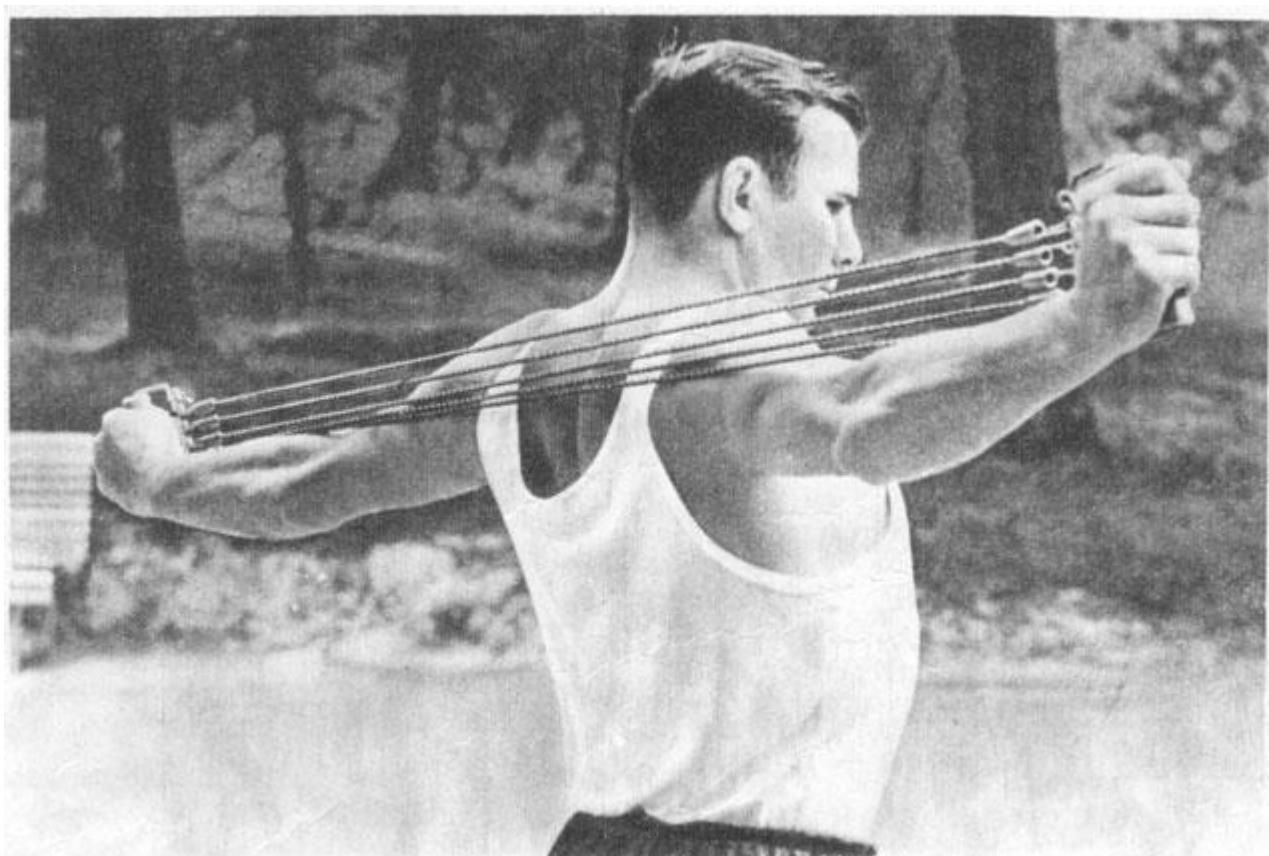
— Здесь мы будем тренироваться к полётам, — объяснил Павел Романович.

Они прошли по всем комнатам и залам.

В классах на столах было множество хитрых приборов — их нужно будет все изучить. В шкафах много книг, учебников. В спортивных залах — разные кольца, брусья, батут — сетка для прыжков. Был и бассейн для плавания и вышка. Павел Романович сказал, что придётся прыгать не только с этой вышки. Будущим космонавтам надо будет сделать много прыжков с самолёта на парашюте.

Прыгать придётся днём и ночью, опускаться не только на землю, но и на воду.

Каждый день приезжали новые лётчики — будущие космонавты.

Каждый день занимались гимнастикой.

Павел Романович всех встречал, как хороший хозяин: показывал школу, помогал расселяться на новых квартирах.

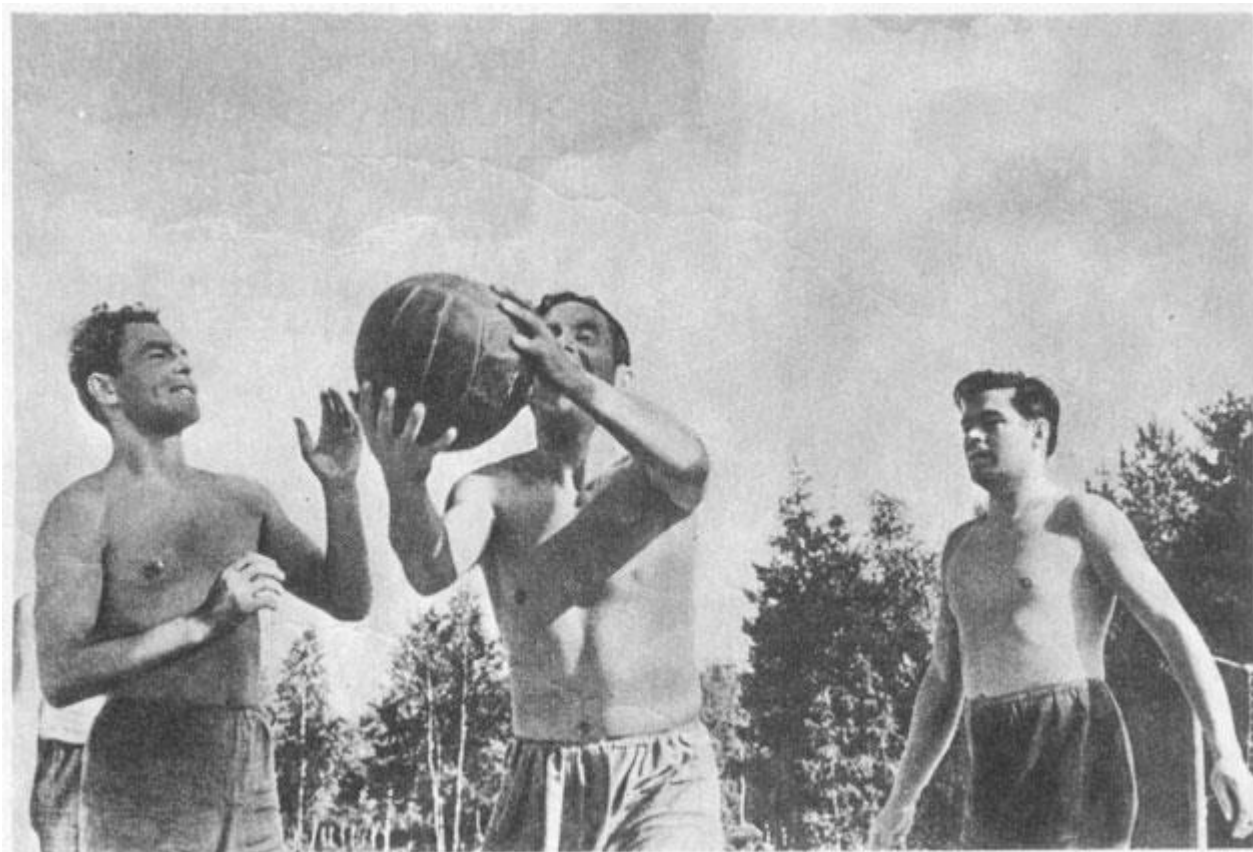
Приехали и Герман Титов и Андриян Николаев. Попович быстро с ними сдружился. Характер у Павла весёлый, общительный: чуть что — шуточки, прибауточки... А то как запоёт:

Солнце низенько,
Вечір близенько...

Голос звонкий, далеко слышно. И на его голос, как на огонёк, обязательно кто-нибудь заглянет.

ТРЕНИРОВКИ

Чтобы лететь в космос, надо много знать. И будущие космонавты снова взялись за учебники. Надо было изучить, как работает ракета и все приборы, установленные на ней. Научиться управлять ракетой.

Играли в баскетбол.

Надо было изучить звёздное небо, чтобы знать, где какая звезда находится. И многое-многое другое. И надо было очень много тренироваться. Космонавты — народ крепкий, выносливый, все они спортсмены, каждый день занимались гимнастикой, бегали, прыгали, плавали, играли в баскетбол. Но этого мало.

Лететь в ракете во много раз труднее, чем на самом быстром самолёте. Поэтому ещё на Земле лётчиков-космонавтов приучали ко всем трудностям полёта.

Вот представьте, если бы кого-нибудь из вас посадили в бочку или в большущий мяч и стали бы этот мяч быстро-быстро катать. А потом какой-нибудь великан взял бы этот мяч и стал перебрасывать из руки в руку, как это делают жонглёры. Что с вами было бы?

Будущие космонавты прошли гораздо большие испытания. Их сажали в специальное кресло, пристёгивали ремнями, и машина, похожая на карусель, крутила их со страшной быстротой: вверх, вниз, туда, сюда, так что лётчик-космонавт был то на боку, то вниз головой, то не поймёшь как — кувыркался как придётся.

Бегали по дорожке, которая сама бежит.

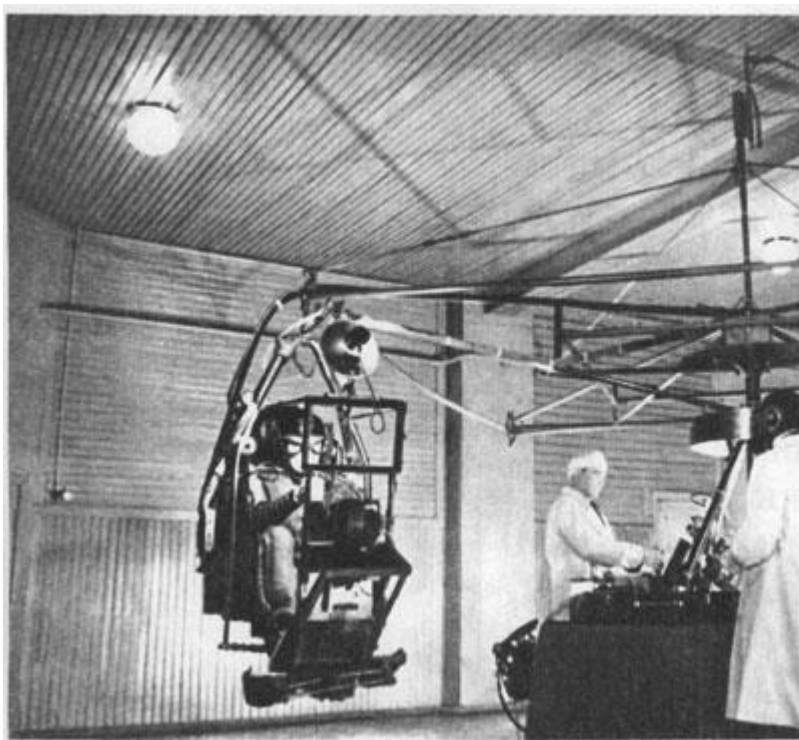
Ходили на лыжах.

космонавты тряслись в «дрожачей» машине-вибраторе, да так, что зуб на зуб не попадал. А когда они пытались говорить, то первое время, пока не привыкли, вместо слов у них получалось какое-то бормотание.

А вот и новое испытание. Если бы вас посадили в глубокий подвал, и не всех вместе, а по одному. И в подвале так тихо, что не слышно ни грохота трамваев, ни голосов людей — ну ничего; слышно лишь, как бьётся собственное сердце. Вы бы, наверно, посидели с полчаса, и кое-кто дал бы рёву, стал бы звать маму, папу...

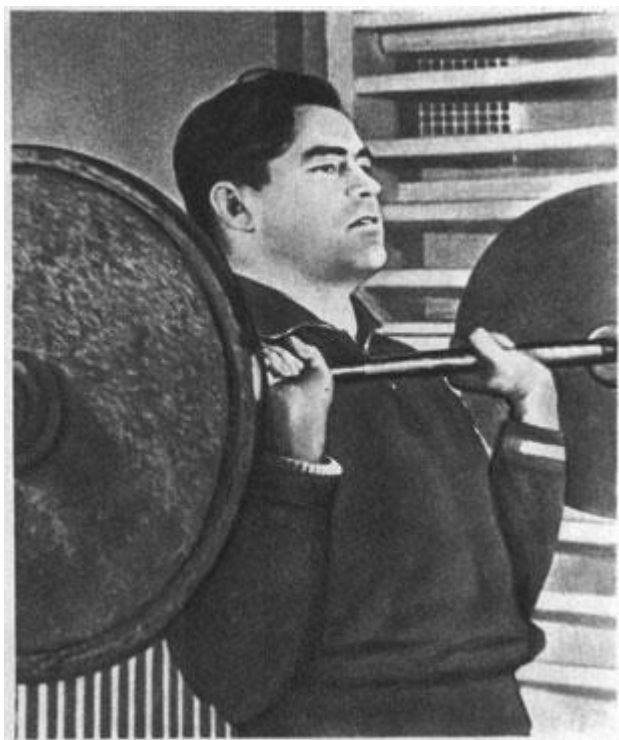
Будущие космонавты взрослые, и они, конечно, не звали маму, но и им было не легко. Лётчик привык к простору, а тут его поместили в тесной комнате, куда не проникал ни один звук, даже часы шли молча. Ведь когда часы тикают, они вроде как живые, и с ними ты уже словно не один, а вдвоём. А этого не полагалось.

Дневной свет в комнату не проникал. Горела лампочка. Пил, ел, спал космонавт

И машина, похожая на карусель, крутила их со страшной быстротой.

Ракета, когда взлетает, очень сильно дрожит, и, чтобы привыкнуть к этой тряске,

Штанга помогает стать сильным.

по часам. А счёт дням можно было вести и по бороде... Да-да, выросла борода немножко — прошёл день, ещё подросла — два дня... Ведь бритвы с собой не было, и космонавты не брились. Время шло, а дверь всё не открывалась. Так борода могла вырасти и до пояса! И по-прежнему ни звука! Хоть бы мышка пробежала или комарик пропищал. Скучно без друзей, без родных, но ведь и в космосе будешь один, только радио свяжет тебя с Землёй. Надо привыкать.

Дольше всех в «тихой комнате» пробыл Павел Попович — больше месяца, поэтому и борода у него выросла самая длинная. Когда Павел Романович пришёл домой, Наташка не сразу его и узнала. Он был совсем другой, и только синие глаза со смешинкой оставались теми же.

И Наташка закричала:

— Ой, мама, мама, это же наш папка! — и бросилась навстречу.

Павел Романович подхватил её на руки, подбросил.

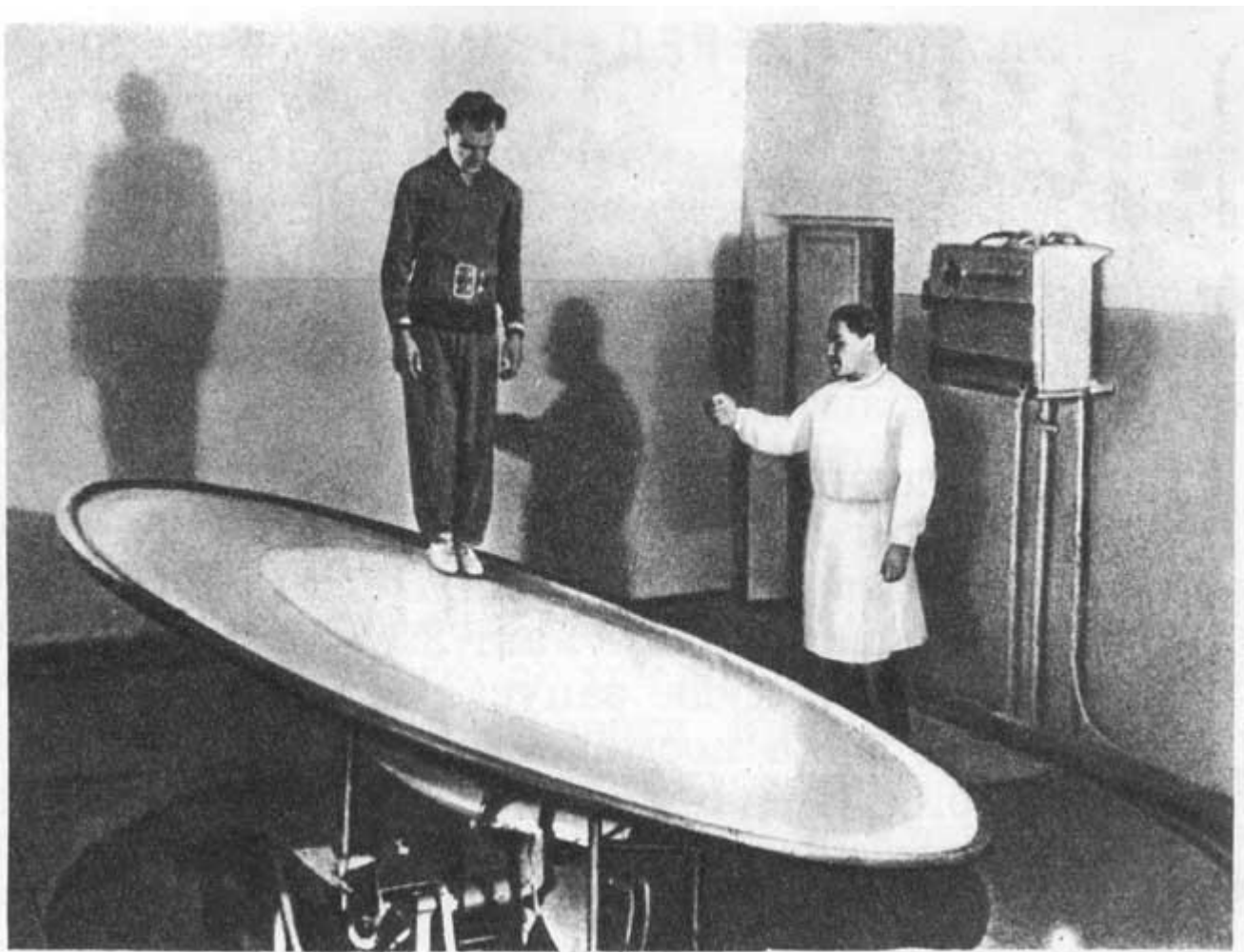
— Ты что, в дремучем лесу был? — удивилась Марина.

Павел Романович рассмеялся.

— Я был там, где парикмахерских совсем нет.

— А ты возьми «брилку» и сам побрей, — говорила Наташка. Она дёргала отца за бороду, словно хотела проверить, настоящая ли она.

На этих качелях не так-то просто качаться.

Надо быть очень ловким, чтобы устоять на круге, который вертится.

ПЕРЕД ПОЛЁТОМ

Приближался замечательный день — день первого полёта человека в космос. Кто же полетит?

В отряде космонавтов все лётчики как на подбор. А лететь должен только один. Трудно было выбрать. И выбрали Юрия Гагарина и Германа Титова.

Почему двоих? А вот почему. Что, если перед самым полётом Космонавту-1 в глаз залетит пылинка или ещё что-нибудь случится? Не отменять же полёт. Тогда его заменит Космонавт-2.

Космодром, откуда запускают ракеты, находится далеко от городка космонавтов.

И вот пришло время, когда надо было отправляться в путь. Юрий Гагарин и Герман Титов простились с родными, друзьями и сели в самолёт.

Юрий Гагарин в скафандре.

В тот же день самолёт опустился вблизи космодрома.

Поселились в небольшом домике.

К полёту они были готовы. Трудно

сказать, что они переживали в это время. Вероятно, всё сразу: и радость, что кто-то из них первым полетит в неизведанный мир, и гордость за свою страну, за советский народ, и опасения — что-то преподнесёт космос?! Конечно, они были взволнованы, но виду не показывали.

Накануне полёта они заснули, как всегда, сразу, как только легли. А это не так просто. Многие ребята прыгают целый час по кровати, прежде чем заснуть. А мой сосед, первоклассник Алик, недавно получил билет в цирк. Он так обрадовался, что до двенадцати ночи не мог заснуть и проснулся раньше всех, так ему не терпелось поскорее пойти на представление.

Лететь в ракете — это не то, что пойти в цирк. Но космонавты спали крепко. Утром их разбудил врач. Они встали, сделали зарядку, умылись, позавтракали. В

последний раз врачи осмотрели их, и они стали одеваться.

Сначала надели тёплые лёгкие голубые комбинезоны. В этих костюмах они были особенно похожи друг на друга — как два брата. Оба небольшого роста, одного веса, крепкие, ладные, готовые выполнить самое трудное дело, и в то же время такие простые, улыбчивые... Поверх комбинезонов им помогли надеть другие — ярко-оранжевые

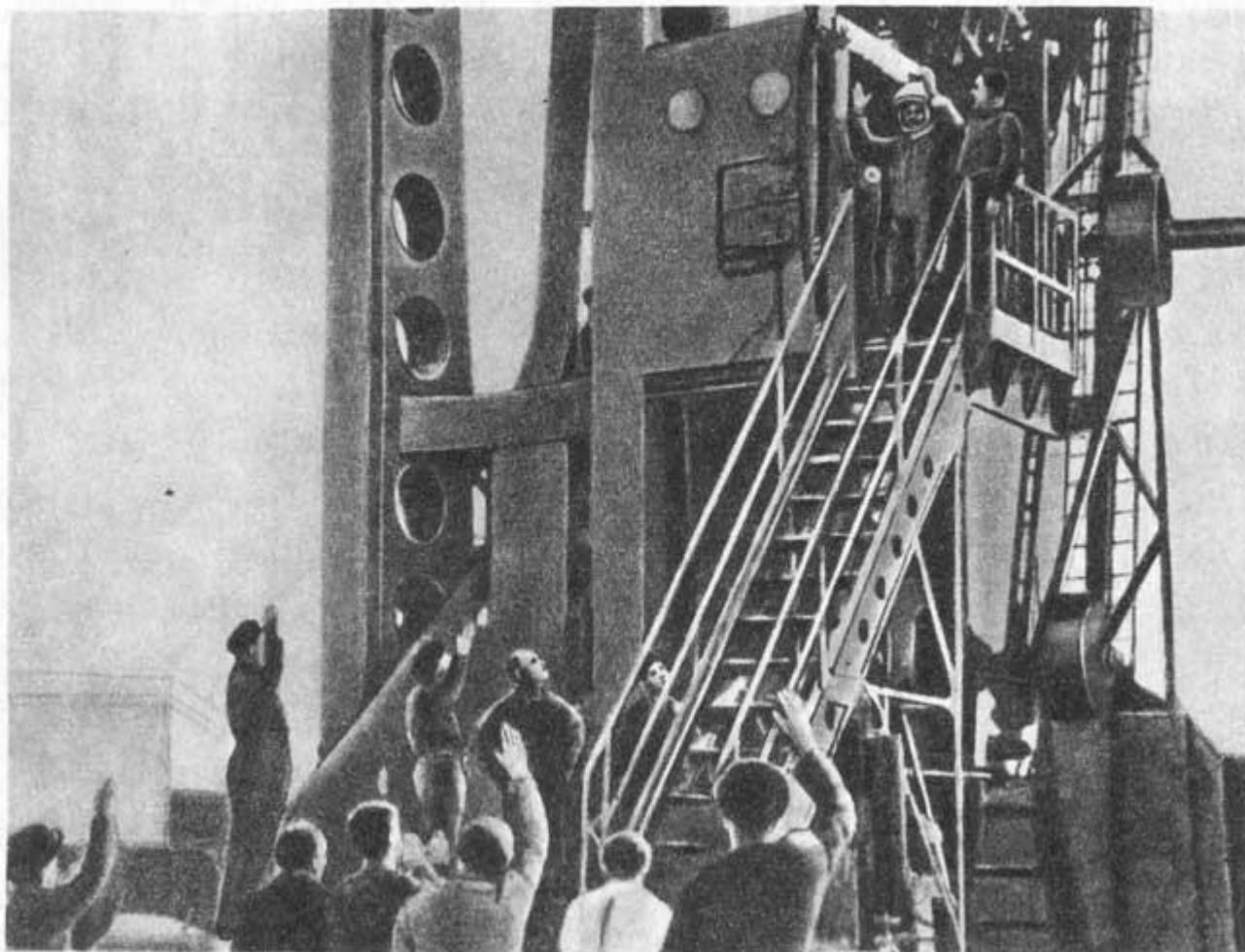
костюмы, а на головы надели гермошлемы. Примерно в таких костюмах-скафандрах водолазы спускаются на морское дно. Эти костюмы не пропускают ни воду, ни воздух. В скафандрах космонавты стали неповоротливыми, смешными. Их посадили в специальный автобус и повезли на космодром.

Ракету увидели ещё издалека. Она возвышалась над всеми постройками, и люди, готовившие её к полёту, рядом с ней казались совсем маленькими. Серебристая, она сверкала на солнце, словно её только что умыли ключевой водой. И казалось невероятным, что совсем скоро эта красавица улетит в космос.

На светлом корпусе ракеты чётко выделялись буквы: «СССР» и название корабля «Восток». «СССР» было написано и на шлемах космонавтов. Эти буквы говорили о том, что в космос летит гражданин Советского Союза.

„ПОЕХАЛИ!“

Лететь должен Космонавт-1 — Юрий Гагарин. Проводить его в небывалый полёт собрались учёные, конструкторы, инженеры — те, кто создал этот замечательный корабль. Все были очень взволнованы. Каждому хотелось сказать космонавту доброе слово, пожелать удачи. Юрий Гагарин и Герман Титов крепко обнялись.

Гагарин на прощание помахал руками.

В последний раз проверена готовность к полёту. Пора. На площадке лифта Юрий обернулся. Он словно ещё раз хотел сказать: «Друзья, не волнуйтесь, всё будет в порядке», но лишь задорно, по-мальчишески улыбнулся, помахал руками и скрылся за дверью.

В кабине космического корабля было тихо, и всё, что осталось там, на Земле, да и сама Земля, стало чем-то очень далёким.

Он сел в удобное кресло. Перед ним были приборы, кнопки, ручки управления. Все они были ему давно знакомы. Точно в такой кабине он провёл много часов тренировок. Три круглых окошка-иллюминатора были закрыты специальными шторами. Там, наверху, когда он взлетит, он их откроет.

По радио сообщили, что до взлёта осталось десять минут... пять... две... одна... Взлёт! Тысячью голосов взревел двигатель, ракета задрожала...

— Поехали! — крикнул Гагарин.

Те, кто наблюдал со стороны, видели, как из-под ракеты вырвался огненный вихрь. Пламя окутало почти всю ракету. Она медленно, словно раздумывая, лететь или не лететь, оторвалась от бетонной площадки, потом, как бы решив, что надо лететь, рванулась ввысь и в одно мгновение растаяла в голубой дали.

По-прежнему сияло солнце, по-прежнему дул пахнувший весной свежий ветерок, и покрывавшие всю степь тюльпаны — ярко-красные, жёлтые, оранжевые — трепетали зубчатыми листьями. Тяжело махая крыльями, пролетела ворона и даже каркнула, словно желая сказать, что, кроме птиц, никто летать не смеет. Но бетонная площадка была пуста, и человек улетел. Запомните: это произошло 12 апреля 1961 года.

ПЕРВЫЙ В КОСМОСЕ

Ракета неслась всё дальше и дальше от Земли. Юрий Гагарин полулежал в кресле, не в силах даже пошевелиться. Чем быстрее мчалась ракета, тем сильнее прижимало к креслу.

*Космический корабль «Восток»
устремился ввысь.*

Тело вдруг стало невероятно тяжёлым. Руки, ноги, каждый палец стали не своими, словно отлитыми из чугуна. Прошла всего лишь минута полёта, а Гагарину казалось, что он летит целый час. Грудь сдавило, дышать стало трудно.

Последние минуты перед взлётом.

А с Земли по радио уже спрашивают: «Как себя чувствуешь?» Надо ответить, но сказать хоть одно слово тоже не просто. Трудно даже открыть рот. И всё же Гагарин нашёл в себе силы: ведь недаром перед полётом он столько тренировался.

— У меня всё в порядке, всё в порядке, — передал он, — лечу нормально. Чувствую себя хорошо.

По-прежнему тысячью голосов ревел двигатель. Ракета дрожала от напряжения. Она словно изо всех сил спешила взлететь на ту высоту, которую указали ей учёные.

И вдруг стало тихо — это перестал работать двигатель. Но корабль по-прежнему мчался с огромной скоростью. Кабину больше не трясло, и к креслу прижимало всё меньше.

Неожиданно Юрий почувствовал, что его приподняло над креслом и тело его ничего не весит. Он поднял руку — она так и осталась приподнятой, поднял ногу — она не опустилась.

О некоторых вещах мы говорим, что они легки как пух. Пушинка и в самом деле очень лёгкая. Даже при слабом ветерке она может пролететь несколько километров. И всё же, в конце концов, упадёт на землю, потому что даже

пушинка хоть немножко, совсем немножко, но весит. А вот в космическом корабле всё стало невесомым.

Захотел Гагарин записать в бортовой журнал свои наблюдения, посмотрел — а карандаша на месте нет: он плывёт по кабине. Подбросил журнал, и тот повис в воздухе.

Ни есть, ни пить Гагарину ещё не хотелось, но надо было попробовать. Ведь еда в космосе также ничего не весит, и, как знать, сможет ли он её проглотить? А что, если в горле застрянет?! На Земле пробовал есть вниз головой, стоя на руках. Получалось. Ну, а тут?

Пища у Гагарина была специальная — «космическая». Из тюбика, в каких обычно бывает зубная паста или вазелин, он выдавил прямо в рот мясное пюре. Проглотил. Тогда из другого тюбика выдавил фруктовый джем, а потом смородинный сок. Всё проглотил без задержки. Вот только когда он пил сок, нечаянно пролил несколько капель, и они чёрными ягодками поплыли по воздуху. Он не спеша поймал их — и в рот.

ЧТО ВИДНО ИЗ ОКОШКА

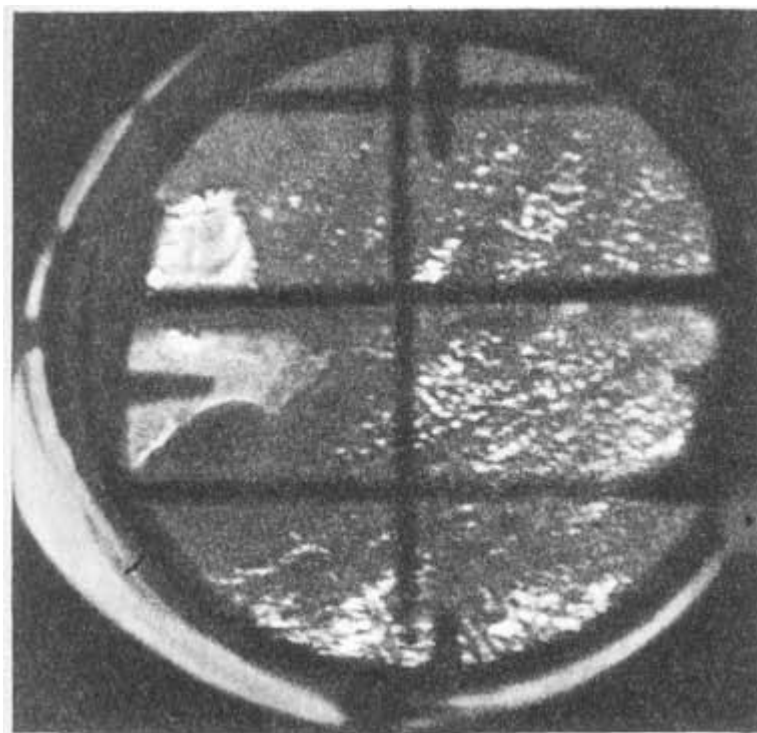
Глянул Гагарин в окошко на Землю — красота необыкновенная. Теперь корабль летел вокруг Земли, и с высоты в триста километров были видны моря, острова на них, горы, поля и леса — и всё разных цветов и оттенков.

Глянул в другое окошко —
чёрное небо и звёзды яркие-
яркие. Скажете: «Как же так,

Земля, покрытая облаками.

днём — и чёрное небо, да ещё и звёзды?» Но ведь голубым небо кажется потому, что воздух голубой. Космический корабль летел очень высоко, где воздуха уже нет, и поэтому небо там совсем чёрное. Воздух был внизу, у Земли, и с корабля был хорошо виден: по горизонту шла голубая полоса, и чем дальше от Земли, тем она становилась синее, потом стала фиолетовой и, наконец, незаметно слилась с чёрным небом.

Солнце в космосе светит во много раз ярче, чем на Земле: ведь там лучам его не мешает воздух, и Гагарину пришлось прикрыть иллюминаторы предохранительными шторками. Свет сделался мягче. Неожиданно стало совсем темно — это корабль влетел в ночь, в тeneвую сторону Земли. Глянул Гагарин на Землю — ничего не видно. Зажёг свет, посмотрел на глобус.

Глобус — словно игрушечный земной шар. Только с ним не играют, а по нему изучают, где какие находятся горы, океаны, реки. В космическом корабле глобус особенный: он всё время вертится и показывает, над каким

В иллюминатор были видны море и часть суши...

местом сейчас пролетает корабль.

А корабль летел над океаном, поэтому в темноте ничего и не было видно.

Коротки космические ночи. Не прошло и часа, как Гагарин увидел зарю, ну как бы восход солнца.

В космосе заря выглядит не так, как у нас. По краю чёрной ночной Земли шла ярко-оранжевая полоса, а дальше — все цвета: зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Вы когда-нибудь видели радугу? Обычно она бывает после дождя. Тучка уже прошла, и дождь идёт где-то в стороне. Вот тогда-то и вспыхивает на небе разноцветная дуга. Красиво? Примерно так и выглядит космическая заря, только горит она на чёрном небе.

Много всяких чудес увидел Гагарин. Обо всём он передавал по радио, записывал в бортовой журнал. Ведь учёным так много надо знать!

СНОВА ЗЕМЛЯ

Облетев вокруг Земли, ракета пошла на снижение. Карандаш бортовой журнал, всё, что до сих пор плавало по кабине, мягко легло на пол. И Гагарин уже не висел над креслом. Его, как и при взлёте, стало всё больше и больше

прижимать к сиденью.

Корабль летел уже в воздухе и быстро нагревался. Когда-то, очень давно, когда люди жили в пещерах и одевались в звериные шкуры, когда ни спичек, ни зажигалок ещё не было, чтобы добыть огонь, люди подолгу тёрли одну сухую деревяшку о другую. От трения деревяшки нагревались, и вспыхивало пламя. Вот так же от трения быстро летящего корабля о воздух верхняя оболочка корабля раскалилась.

Сквозь окошко-иллюминатор Гагарин

видел багровый свет пламени, стекло иллюминатора пожелтело, но не лопнуло. Ведь оно, как и поверхность корабля, не боялось огня. Снаружи бушевало пламя, а в кабине по-прежнему было только тепло, как у нас в комнате.

Скорость корабля быстро уменьшалась. Приближался конец необыкновенного полёта. Гагарин выполнил всё, что ему было поручено. Как-то не верилось: неужто это он, Юрий Гагарин, только что облетел вокруг Земли? А может, ему это всё приснилось? Или просто он в кино увидел Землю издалека, чёрное дневное небо с очень яркими звёздами?..

Ну нет! Ведь он сидит в кабине космического корабля. И наяву спускается из пустынного космоса, оттуда, где до него не бывал ни один человек.

Юрию представились лица его друзей, Космонавта-2, конструкторов, учёных, всех, кто провожал его в этот полёт и кто теперь с напряжённым вниманием ждёт благополучной посадки корабля «Восток».

Представилась жена Валя с дочуркой Леночкой. Наверно, и они, прильнув к репродуктору, ждут не дождутся последних известий из космоса. И каждая минута, им кажется часом. Это он по себе знает.

А сколько людей по всей стране ждут удачного завершения полёта!

Не волнуйтесь, родные мои, друзья-товарищи, всё в порядке. Земля — вот она, совсем рядом. На душе стало легко и радостно. Хотелось петь. И он запел:

Родина слышит,
Родина знает...

Внизу бежали поля, перелески. Он сразу узнал Волгу, маленькие, словно игрушечные, домики Саратова...

Ведь здесь несколько лет назад он учился летать на самолёте. И ему было особенно приятно, что именно сюда он возвращался из космоса.

Корабль опустился на вспаханное поле. Земля!.. Вот она — мягкая, пахучая! Её можно погладить ладонью, обнять. Сколько лет он ходил по ней, а мальчишкой в Клушине даже сам пахал её. Но никогда ещё она не была ему такой родной, как в эту минуту! Скоро это поле засеют, и вырастет здесь колосистая, в рост человека пшеница. А пока что ноги вязнут по самую щиколотку, но он шёл бы и шёл вот так без конца...

Здесь приземлился первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Первыми, кто увидел приземлившийся корабль и космонавта, были трое жителей деревни Смеловка: шестилетняя Рита, её бабушка Анна Акимовна и телёнок Пятнашка.

Глупому телёнку было, конечно, всё равно, кто спустился с неба, и он остался на месте, но Рита с бабушкой поспешили к кораблю, к удивительному человеку в ярко-оранжевом костюме. Кто он — друг или враг? Они не знали и остановились.

А Гагарин отстегнул стеклянный шлем и радостно закричал:

— Свой, свой!

Анна Акимовна и Рита стояли растерянные.

— Да свой я, — повторил Гагарин, —

лётчик, только что из космоса.

— Неужто?! — всплеснула руками Анна Акимовна.

Они крепко обнялись и расцеловались.

Тут прибежали работавшие в поле трактористы, приехали на автомашине солдаты, прилетели на вертолёте ещё военные. Все обнимали космонавта, поздравляли. Наперебой спрашивали, как он себя чувствует, как там — в космосе? Страшно было? Что он видел?

Кто-то из военных помог Юрию снять скафандр, и он, оставшись в лёгком голубом комбинезоне, снова стал земным.

Маленькая Рита, держась возле бабушки, молча смотрела на улыбчивого дядю. Ей тоже хотелось дотронуться до него, но она стеснялась.

А совсем неподалёку стоял космический корабль «Восток» — целый и невредимый, хоть бери его и лети снова. И весёлый ручей в овражке пел ему песню победы. Пел звонко, словно и он радовался вместе с людьми. И, кто знает, может, эти весенние воды и до сих пор рассказывают всем рекам, морям и океанам, что и они были свидетелями героического подвига Юрия Гагарина.

ПРАЗДНИК

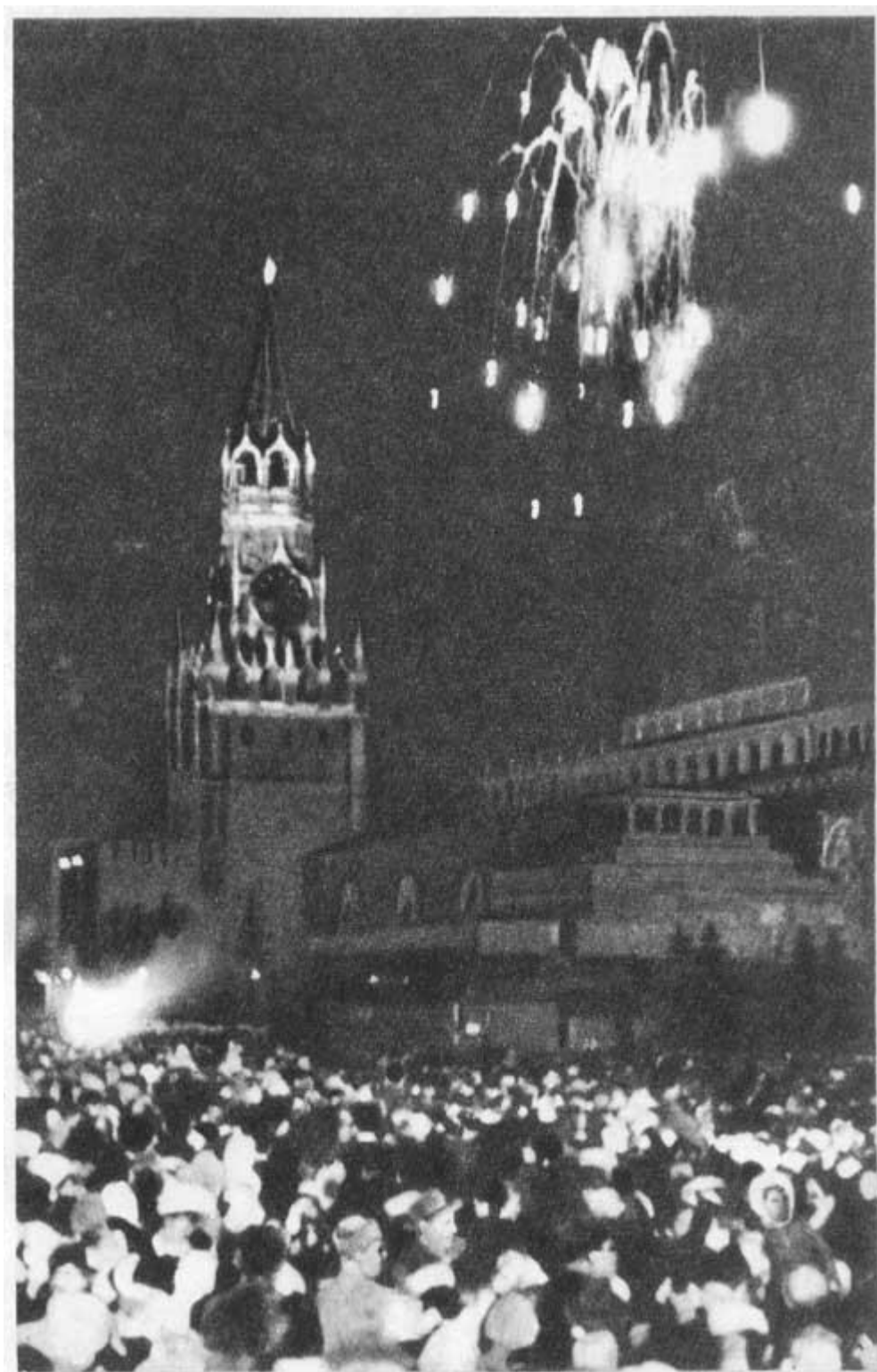

Как только радио известило мир о благополучном приземлении космического корабля, толпы людей высыпали на улицы, никто не мог усидеть дома. Шутка ли — человек впервые побывал в космосе!

А через два дня Москва встречала героя. По Красной площади шли тысячи людей, гремели оркестры, бились на ветру флаги, цветы, портреты, воздушные шары. Один паренёк из всех сил тянул вверх плакат, где было написано: «Чур, я второй!» Словом «чур» он хотел закрепить за собой право лететь в

космос. Да разве только он хотел лететь вторым? Редакции газет и журналов были завалены письмами. Писали не только взрослые, но и дети: «Что надо делать, чтобы стать космонавтом?», «Хочу лететь в ракете, мама мне разрешила», «Есть ли школа космонавтов и как в неё поступить?», «Можно ли

есть манную кашу или, чтобы стать лётчиком-космонавтом, надо привыкнуть к грубой пище?»»

*Москва салюует
героям.*

НО ВТОРЫМ ПОЛЕТЕЛ ГЕРМАН ТИТОВ

Да, вторым через четыре месяца полетел Космонавт-2 — Герман Степанович Титов. И снова люди на всей Земле, прильнув к репродукторам, слушали сообщения о полёте.

Прошло полтора часа. Облетев вокруг Земли, корабль не опустился, а пошёл на второй, на третий круг... Титову надо было летать намного дольше, чем Гагарину. Значит, полёт его будет труднее. Корабль управлялся с Земли по радио, но Титов проверил и ручное управление. Он взялся за рычаг — и корабль послушно повернулся к солнцу другим боком. Потянул ещё — и корабль снова повернулся.

А внизу, меняя краски, двигалась Земля. Титов видел то жёлтые пески пустынь, то ярко-синий океан, весь словно мелко-мелко разлинованный — это по океану шли волны; и опять суша — тёмно-зелёная, сероватая. Огромные горы со снежными вершинами стояли, как копешки сена.

На пути к космодрому.

У Титова был с собой киноаппарат, и он снимал всё это на ленту, чтобы и мы с вами смогли увидеть, как хороша наша Земля, когда смотришь на неё издалека.

Иногда Земля покрывалась облаками, тучами. Но Герману не было слышно ни шума ветра, ни дождя,

ни раскатов грома. Всё это было там, внизу, у самой Земли. А в ракете было так же тихо, как в той «тихой» комнате, в которой космонавты проходили тренировки.

Несколько раз он видел серпик луны. И каждый раз, когда она проплывала в иллюминаторе, ему казалось, что он вовсе и не летит, а стоит на месте, а сама луна быстро скользит по небу.

Титову не было скучно: у него было много дел. Он следил за работой приборов, обо всём, что видел, записывал в бортовой журнал, передавал по радио. Слушал передачи с Земли. Он не чувствовал себя одиноким. До него доносились голоса друзей, учёных, которые обо всём его расспрашивали. Незнакомые ему люди специально для него запускали по радио его любимые песни.

Есть и пить в космосе хочется так же, как и на Земле. И, когда подошло время, Титов съел свой «космический» обед. А вечером, пролетая над Москвой, он передал москвичам:

— Вы как хотите, а я ложусь спать.

Но на что? Кровати в ракете нет — лишь кресло, да и на него Герман Степанович не мог лечь. Потому что висел над ним, едва его касаясь. Пришлось лечь ни на что. По привычке, положил под голову руку, да так и заснул.

Когда человек спит даже на самой мягкой пуховой перине, он всё равно во сне ворочается — затекает то рука, то нога. Но спать на воздушной перине ни с чем не сравнимо. Титов проспал, как говорится, богатырским сном пять дней и пять ночей — космических, конечно. Ведь за восемь часов его сна ракета пять раз облетела вокруг Земли, и перед ней прошли пять дней и пять ночей.

Проснулся он бодрым и отдохнувшим и снова принялся за работу.

Пока он спал, с Земли его не беспокоили, и приёмник молчал. Но тут приёмник снова заговорил.

Тито
в
вдру
г
услы
шал мальчишеский голос
своего «небесного брата»:

— Рад за тебя! Поздравляю!
— говорил Гагарин.

Надеюсь, всё будет хорошо.
Обнимаю тебя, дружище!

— Я тоже, — ответил Титов.

Пока что они обнялись
только на словах, а вскоре
обнялись и по-настоящему.

Герман Степанович Титов пробыл в космосе двадцать пять часов и за это время семнадцать раз облетел вокруг Земли.

Если бы можно было выпрямить все эти круги в длинную полосу, она бы протянулась от Земли до Луны и обратно. Это очень, очень большое расстояние. Но Титов пролетел его и благополучно приземлился.

И снова бурлила Красная площадь. Теперь на трибуне Мавзолея В. И. Ленина стоял не один, а два героя — два «звёздных брата»: Юрий Гагарин и Герман Титов.

РОДНЫЕ КРАЯ

Поздравить сына с замечательным полётом приехали с далёкого Алтая отец и мать Германа — Степан Павлович и Александра Михайловна Титовы.

Приехали радостные, взволнованные. Не знали, чем лучше порадовать сына, и привезли ему гостинец: банку смородины из своего сада.

И Герману сразу вспомнился родной дом, сад, тополя, что он сам посадил, деревенская улица, по которой гонял на велосипеде.

Вспомнились и трудные военные годы, когда ушёл на фронт отец и он, мальчишка, остался единственным мужчиной в доме. Он помогал матери в поле, по хозяйству, скидывал солому, сено, полел в огороде. От работы болели спина, руки...

Но быть мужчиной — нелёгкое дело. Это значит — не хныкать. Ему очень хотелось ни в чём не отставать от товарищей, и скоро он стал ловким, сильным, выносливым.

Из всех работ в колхозе он больше всего любил сенокос. И теперь вспомнилось, как, бывало, ночевали они прямо на копне сена.

Он лежал на спине и пристально смотрел на небо. И ему казалось, что он уже не на земле, не на копне сена, а летит на сказочном ковре-самолёте — всё выше, выше...

«А до звёзд далеко? — спрашивала сестрёнка Земфира. — А люди там есть? Ну из всех, из всех, хоть на одной звёздочке?»

Вечерами, когда все дела были закончены, он частенько брал гармошку. У него была маленькая, детская. Научил его играть отец. Степан Павлович сам был неплохим музыкантом, и вся семья очень любила слушать, когда, придя из школы (Степан Павлович был учителем), он играл на скрипке.

Когда кончилась война и Степан Павлович вернулся домой, он научил сына играть на мандолине, а потом и на скрипке. И как хорошо тогда в школьном оркестре звучали протяжные и раздольные сибирские песни! Все, даже взрослые, слушали их с удовольствием.

Отец уже подумывал сделать из него музыканта, но Герман решил по-своему.

Однажды к ним приехал брат матери — лётчик Александр Михайлович Носов. Все дни, что лётчик гостил у них, Герман не отходил от него: они вместе купались, бродили по берёзовой роще. Герман всё расспрашивал про самолёты и даже тайком примерял фуражку лётчика.

Когда Александр Михайлович уехал, Герман уже твёрдо знал, что будет летать.

Это было десять лет назад. А сейчас он уже не только лётчик. Он вторым из всех людей побывал в космосе.

КАЧЕЛИ

Как только Герман Титов закончил полёт вокруг Земли, в школе космонавтов стали готовиться к новому, ещё более сложному полёту. Обычные тренировки шли каждый день, но к ним прибавились и новые.

Во время полёта в космосе Германа Титова немного укачало, и, чтобы избавиться от неприятного ощущения, он старался смотреть в одну точку и резко не поворачиваться. Это ему помогало.

— Но было бы лучше, — сказал Титов, — если бы ещё здесь, на Земле, избавиться от укачивания. А избавиться можно только специальной тренировкой.

И вот в школе космонавтов появились качели. Да, да, настоящие качели. Только раскачиваться на них не надо. Машина сама раскачивает.

Вы, наверное, скажете: «Вот нам бы на них покачаться!» Конечно, качаться на качелях очень приятно, но когда немножко. А представьте, если бы вы

накачались уже, как говорится, досыта, а вам всё ещё не разрешили бы сойти с качелей. Я уверен, что вместо удовольствия вы испытали бы одни неприятности.

Надо заранее привыкать к невесомости.

А вот Андриян Николаев и Павел Попович могли целыми часами качаться — и хоть бы что. Они даже ухитрялись не терять даром времени и на качели брали с собой учебники. Качались и делали уроки.

Иногда к ним заходили рабочие, механики — те, кто следит за машинами, чтобы они не сломались. Они только смотрели, как качались космонавты, и у них уже кружилась голова.

„ЗВЁЗДНАЯ ДЕВОЧКА“

Отец и мать Павла Романовича Поповича совсем и не догадывались, что их сын готовится лететь в космос. Выдала всё Наташина кукла — «Звёздная девочка», как называла её Наташа.

Летом Наташа с мамой приехали погостить к дедушке и бабушке в Узин. Узин — это посёлок недалеко от Киева.

Больше всего Наташе понравились там три вещи: дома, или, как их там называли, «мазанки», — белые-пребелые; дедушкины усы — они у него длинные и всегда висят. Наташка пробовала их закрутить, но они раскручивались; поднимала за кончики кверху, тогда дедушка становился смешной-смешной. И третье, что понравилось Наташке, — это как в Узине разговаривали. Вместо «кошка» говорили «кишка», лук называли «цибулей», а соседка спрашивала бабушку: «Що це за дивчина приехала?» — «Це Наталка, коханочка моя», — отвечала бабушка.

Наташин папа тоже так разговаривал, но только иногда. А здесь всё время так говорят.

Понемногу и Наташа стала запоминать украинские слова. Потом она достала свою любимую куклу и стала её обучать.

Кукла у Наташи была замечательная: большая и красивая. Глаза у неё закрывались и открывались и были такие же синие, как у Наташи.

Если кукле нажать на животик, она говорила «мама». А вот «тату» она никак не хотела говорить, сколько Наташа её ни просила.

— Это кто ж тебе подарил такую куклу? — спросила бабушка.

— Дядя Юра, — ответила Наташа.

— Какой дядя Юра?

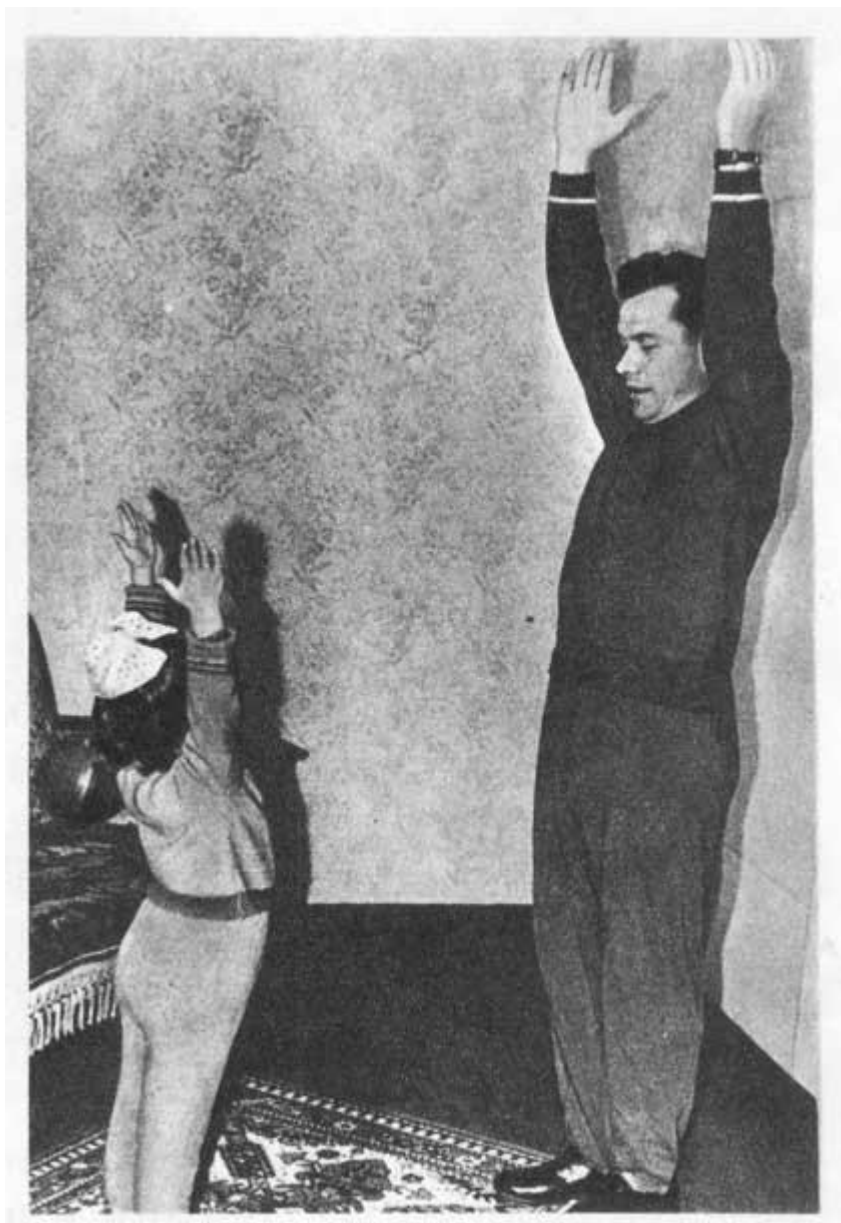
— Гагарин.

— А откуда же он тебя знает?

— А дядя Юра живёт рядом с нами. И мы с папкой к нему ходим, а он к нам.

— Ну, деду, ты слышал? — спросила бабушка, когда Наташа убежала на улицу. — Павло-то нащ видно, тоже космонавт!

— Да-а, — протянул дед и погладил усы.

Хорошо делать зарядку вместе с папой.

НОВЫЙ ДОМ

Мать Андрияна Григорьевича Николаева, Анна Алексеевна, так же как и родители Павла Поповича, не знала, к какому полёту готовится её сын. Андриян ей ничего не говорил, не хотел волновать. Не сказал и когда приехал к ней в деревню во время отпуска, незадолго до полёта.

Чувашская деревушка, где вырос Андриян, стоит на горе. Вся она какая-то уютная, свежая, возле каждого дома деревца насажены. Недаром её и называли «Шоршелы», что по-русски означает «Чистый ключ».

До Волги от неё рукой подать, а совсем рядом — река Цивиль. Течёт она среди лугов и полей как-то особенно покойно, словно боясь потревожить кого. Мальчишкой Андриян часами просиживал с удочкой возле неё. Он и характер свой словно перенял у Цивиль-реки. Такой же молчаливый и немного застенчивый.

Лежит, бывало, Андриян на берегу и смотрит, как паук-водомерка на длинных ножках, словно на ходулях, по воде бежит, воду меряет. А то вдруг из осоки выплывет дикая утка с целым выводком утят/ Андриян лежит тихо-тихо, чтобы не спугнуть. А потом отыщет в траве кузнечика, что стрекочет, и смотрит, как тот ножкой о ножку трёт, словно на скрипке играет.

А на соседних кустах птицы заливаются; особенно голосисты они вечером. Вы думаете, они без толку кричат? Вслушайтесь повнимательнее. Одни что-то рассказывают друг другу — должно быть, что с ними днём приключилось, другие спорят о чём-то, а третьи сядут на сучок и ну песни распевать! Да так хорошо! Заслушаешься.

Да, ещё тогда, мальчишкой, полюбил Андриян всё живое. Ведь недаром, прежде чем стать лётчиком, он работал в лесничестве. Сажал лес и vyhаживал его.

Андрян Николаев на охоте.

И теперь в отпуск Андрян приехал, конечно, в свои Шоршелы. Встретила мать. За последнее время она немножко постарела, а вот их дом — тот совсем состарился.

Осмотрел его Андрян со всех сторон: где угол подгнил, где рамы покосились.

Приехали братья — Иван и Пётр.

— Эх, нехорошо, — сказал Андрян, — дом-то у матери совсем никуда. Надо новый строить.

— А когда? — сказали братья. Ты же отдыхать приехал.

— В другой раз отдохну.

— Ну, раз так — давай...

Привезли они лесу, кирпичей — и работа закипела. Отпуск Андрияна к концу пришёл — и дом готов. Рядом со старым поставили. Большой, светлый. Войдёшь — приятно пахнет свежими досками. Отпраздновали новоселье, и пора в дорогу собираться. Открыл Андрян чемоданчик, а там рыболовное

снаряжение лежит: крючки разные, лески. Он их купил, когда ещё в отпуск собирался.

«Что ж теперь делать,— думал Андриян, — приеду — друзья будут спрашивать: «Много ли рыбы наловил?»»

А тут как раз мимо окон ребяташки с удочками идут.

— Возьмёте меня с собой?

— Ну конечно, — обрадовались ребята. Они и мимо дома-то специально шли, чтобы посмотреть на лётчика.

— А большая рыба водится?

— Водится. У Крутой вершинки её полно...

— Только мы туда не ходили. Большая нитку рвет.

— Ну, мою не оборвёт. — Андриян показал свою леску.

— Ух, какая! — Ребята попробовали разорвать и не смогли.

— Да такой не только щуку — кита можно поймать.

Ловили долго. Рыбёшка попадалась разная: и мелкота — пескарики, плотвички и крупная — голавли, окуни.

Домой шли не спеша, вдоль берега. Стало смеркаться, и на спокойной глади реки отразились первые звёздочки. И Андриян вдруг вспомнил, как когда-то, ещё мальчишкой, он с ребятами играл в загадки. Интересно, а сейчас играют?

— А ну отгадайте... — сказал он.

Ребята насторожились.

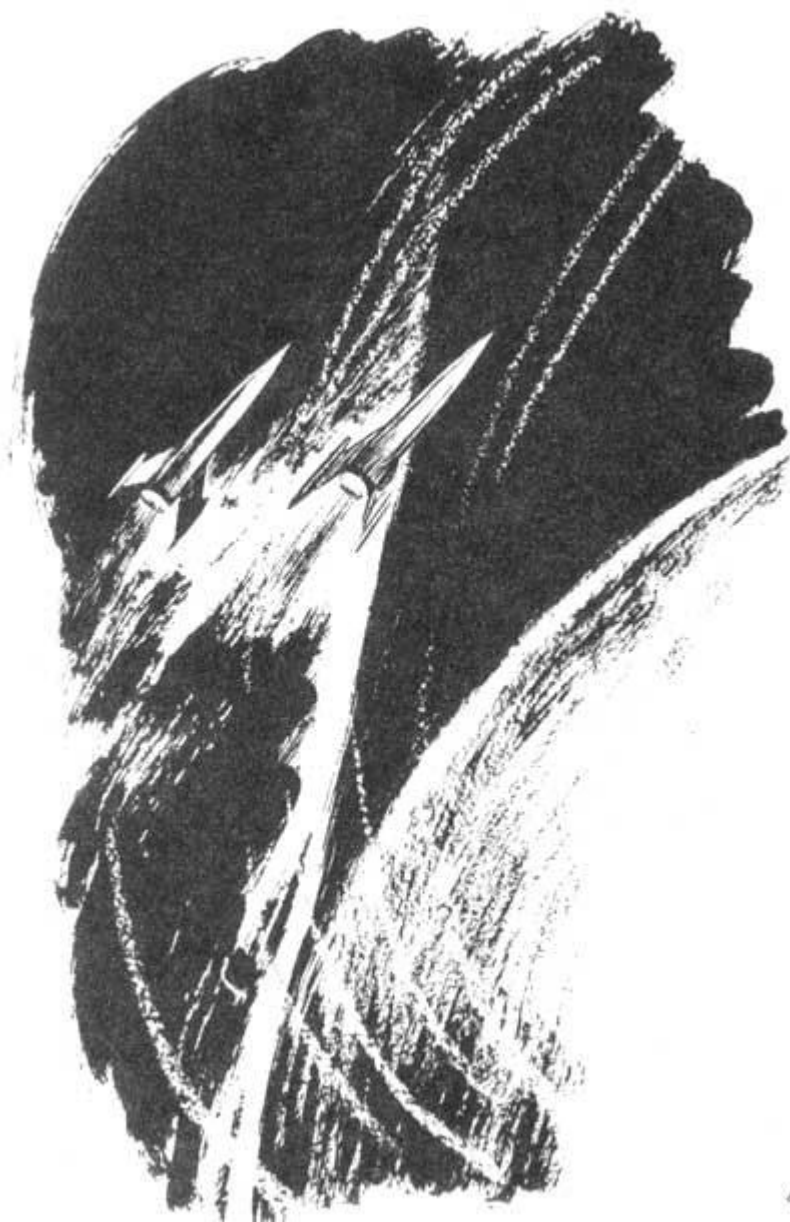

В родных краях.

— «По водам бездонного моря засыпаны жемчуга, и что это будет?»»

— Звёзды, звёзды, в воде отражаются.
— Верно. Ну, а эту? «На зеркале блюдечко лежит, ветерок дунул и блюдечко разбил, и что это будет?»
— Ну, это лёгкая, это луна в воде. Волны пошли и луну на кусочки разбили.
— И ещё...
— Нет, теперь вы отгадайте, — зашумели ребята.
— «Бросили в Цивиль-реку горсть серебра, гуси-лебеди проплыли, все монетки собрали, и что это будет?»
— Ну, это тоже звёзды. Вон их уже сколько высыпало.
— Дядя Андриян, а вон та, большая, как называется?
— Это Вега. А вон та — Полярная. По ней моряки раньше дорогу находили.
— Дядя Андриян, а вы тоже космонавт? Мы вас в кино видели вместе с Гагариным...
— Что вы, ребята, это был, наверно, не я, — засмеялся Андриян.
Но ребят не так-то легко провести. Они — народ смекалистый. Ребятам очень хотелось, чтобы следующим в космос полетел он — дядя Андриян.

ДВОЕ В КОСМОСЕ

Прошёл ровно год после полёта Германа Титова, и вот, удивляя весь мир, от Земли оторвались ещё два космических корабля: «Восток-3» и «Восток-4» с лётчиками-космонавтами Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем.

Двое в космосе! Такого ещё не бывало. Хотя Попович вылетел на сутки позже Николаева, учёные так точно всё рассчитали, что корабли встретились в космосе.

— «Беркут!», «Беркут!» Я — «Сокол», — кричал в трубку Андриян Григорьевич. — Поздравляю с благополучным взлётом! Как себя чувствуешь?

— Андрюша! Здорово, дружище! — ответил Павел Романович. — Всё идёт

отлично. Чувствую себя хорошо. Как ты?

Корабли летели не так уж далеко друг от друга. В иллюминатор Андриян Григорьевич видел «Восток-4», а Павел Романович — «Восток-3».

Вдвоём летать было веселее. Они переговаривались по радио с Землёй, друг с другом... Неожиданно Андриян услышал песню:

Я верю, друзья.
Караваны ракет
Помчат нас вперёд
От звезды до звезды...

Пел такой знакомый голос!..

— Павел, это ты? — удивлённо спросил Андриян.

— Ну конечно, давай подтягивай.

— Да у меня голос плохой.

— Ничего, здесь, кроме звёзд, нас никто не услышит.

И Андриян стал подпевать:

На пыльных тропинках
Далёких планет
Останутся наши следы...

И вдруг голос
Павла:

— Андрюша,
посмотри, луна-то
какая — полная! Нам
повезло!

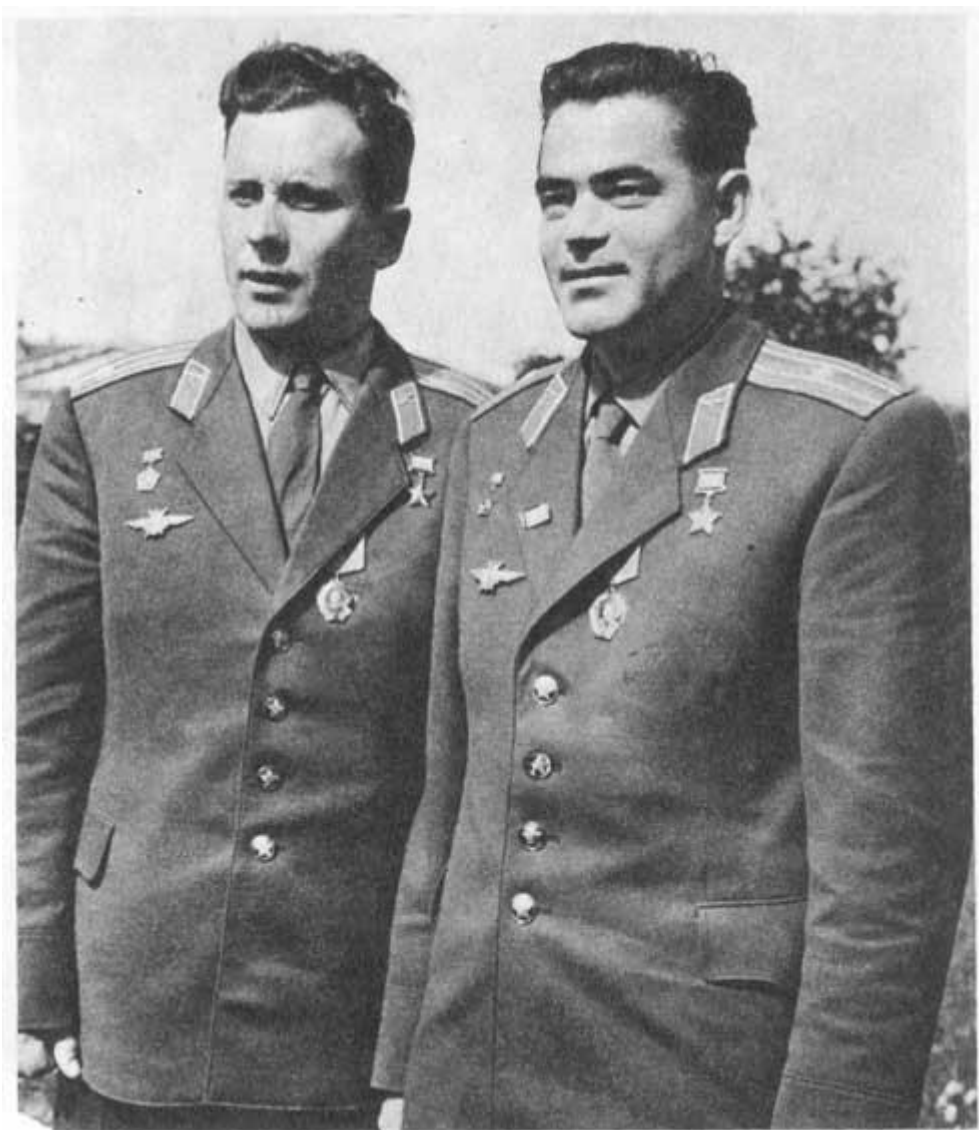
— Ого! Она нам
улыбается!

В окошке в чёрной
пустоте проплыл
светящийся шар. И
космонавты ясно
увидели, что луна —
не плоский блин,
какой она нам кажется
с Земли, а настоящий
шар.

Корабли делали
виток за витком и уже
двадцать... тридцать
раз облетели вокруг
Земли.

Космонавты по-
прежнему
чувствовали себя
хорошо и много
работали. Следили за
приборами, обо всём передавали на Землю, записывали. Когда хотелось
немножко отдохнуть и поразмяться, они отстёгивались от кресла и начинали
плавать по кабине. Когда ничего не вешишь, это просто: одним пальцем чуть
оттолкнулся от стенки — и плыви.

— Алло, алло. Земля, где ты? — спрашивал Попович. — Я тебя не чувствую.
Не то ты под ногами, не то над головой. А-а, вижу, слева, в иллюминаторе.
Хочешь знать, что делаю? Пишу. Вишу в воздухе и пишу. Ничего, получается. А
сейчас буду обедать.

Андриян Николаев и Павел Попович.

Еду на этот раз космонавты взяли не «космическую», а обыкновенную, земную — каждый по своему вкусу. Взяли даже пирожки, какими, наверно, и вас частенько угощает мама или бабушка. Николаев вместо фруктового сока пил обыкновенную воду. В космосе она ему показалась особенно вкусной. А Попович — любитель солёного — взял с собой воблу.

Когда корабли пролетали над нашей страной, из космоса шли телепередачи. И впервые люди на Земле смогли, сидя у себя дома, заглянуть в космос. На экранах телевизоров были видны улыбающиеся лица героев и плавающие по кабине бортовой журнал, карандаш, киноаппарат...

В чувашской деревушке Шоршелы те самые ребята, с которыми Андриян Григорьевич удил рыбу, забравшись на крышу сарая, высматривали в небе две летучие звёздочки.

За три дня совместного полёта Николаев и Попович сорок восемь раз облетели вокруг Земли. А Николаев, который вылетел на сутки раньше, облетел Землю шестьдесят четыре раза. Такого даже в сказке не придумаешь. Трудным был их полёт, но зато много нового, ещё неизвестного смогли они рассказать учёным о космосе. Много пользы принесут людям добытые ими знания.

Радостно приветствовал космонавтов весь советский народ. Сердечно поздравили их Никита Сергеевич Хрущёв и Леонид Ильич Брежнев.

Семья советских космонавтов увеличилась. Теперь их стало четверо: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович.

Слава им, проложившим дорогу в космос!

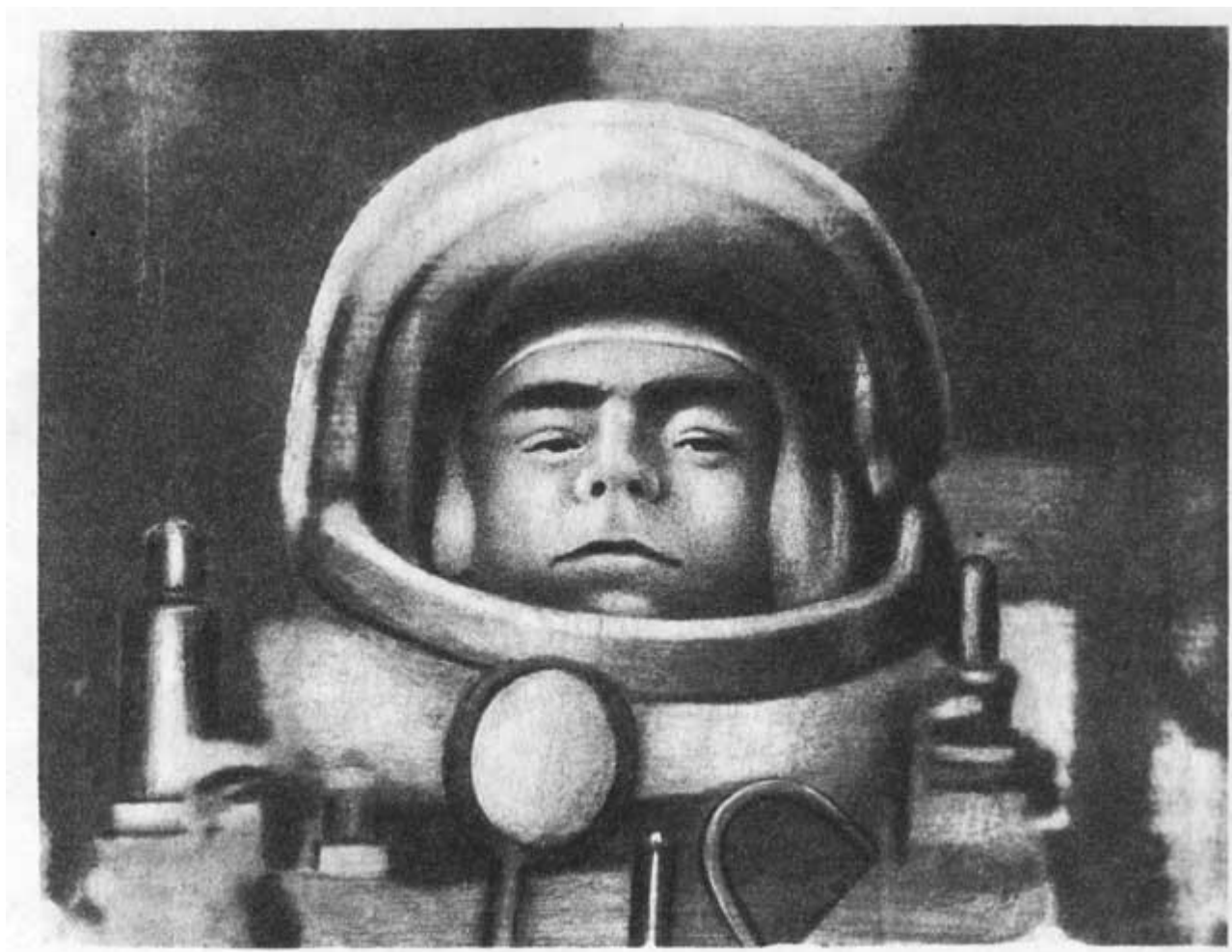
Слава учёным, конструкторам, инженерам, рабочим — всем, кто создал такие замечательные космические корабли!

И ведь это только начало. Придёт время — и человек полетит на Луну, а потом и ещё дальше — к Марсу, Венере...

Кто же полетит?

Мне кажется, полетит кто-то из вас, конечно, когда вы станете взрослыми. И полетит тот, кто лучше всех подготовится.

Только уговор: когда будете отправляться в путешествие — чур, я с вами!

Андрейан Николаев в полёте.

Сердечно поздравили их Никита Сергеевич Хрущёв и Леонид Ильич Брежнев.

УРА! В КОСМОСЕ — ЖЕНЩИНА!

Не успела типография отпечатать эту книгу о четырёх небесных братьях, как весь мир облетела новая радостная весть: опять советские чудо-корабли в космосе!

В этот раз на корабле «Восток-5» полетел лётчик-космонавт Валерий Быковский. Восемьдесят один раз облетел он вокруг Земли! Ни один человек не был ещё так долго в космосе.

А через день на корабле «Восток-6» полетела первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова.

Валя из Ярославля.

Красив этот старинный русский город. Стоит он на высоком волжском берегу, весь в зелени и цветах. И недаром именно в нём выросла первая в мире девушка-космонавт.

Ранним утром, когда солнце только ещё встаёт, выходила Валя на улицу и смотрела, как в чистом небе кружит самолёт.

Вот он высыпал чёрные точки парашютистов. Одно мгновение — и лёгкими облачками вспыхивают купола парашютов.

В хорошую погоду это чудесное зрелище повторялось каждое утро.

«Почему они прыгают? — думала Валя. — Ведь это, наверно, страшно? А может, это необыкновенно хорошо?!»

Она закрывала глаза и пробовала представить себя на их месте.

У неё даже дух захватывало.

А потом пришло время, когда и она прыгнула с самолёта, правда, также с закрытыми глазами. И только на пятом прыжке, поборов страх, прыгнула, не закрывая глаз.

Лететь в воздухе под большим белоснежным зонтом удивительно хорошо. Под тобой весь город как на ладонке. Видны все улицы, дома, машины, люди... А ты спускаешься всё ниже, ниже, стараясь попасть на заданную площадку.

Валя полюбила небо. И до того, как стать космонавтом, сделала 126 прыжков с парашютом.

Да, женщина в космосе!

Молодец, Валя! Ты сумела доказать всему миру, что девушки нашей страны готовы и на такой подвиг.

Ну, мальчишки, теперь берегитесь!

До сих пор девочки с завистью посматривали на вас — будущих космонавтов. Потому что каждый мальчишка при желании — потом, когда он вырастет, — может стать космонавтом.

А теперь девочки знают, что и для них путь к звёздам открыт. А ведь девчонки — народ упрямый, отчаянный!

Вот они, герои!

Слава им, проложившим дорогу в космос!

Валентина Терешкова сорок восемь раз облетела вокруг Земли! У звёздных братьев появилась звёздная сестрёнка.

Пожелаем им всем — тем, кто уже летал, и тем, кто готовится к новым космическим полётам, — здоровья, счастья и новых подвигов.

Дмитрий Чибисов

Вечный огонь

Над могилой, в тихом парке
Расцвели тюльпаны ярко.
Вечно тут огонь горит,
Тут солдат советский спит.
Мы склонились низко-низко
У подножья обелиска,
Наш венок расцвёл на нём
Жарким, пламенным огнём.
Мир солдаты защищали,
Жизнь за нас они отдали.
Сохраним в сердцах своих
Память светлую о них!
Как продолжение жизни солдат
Под звёздами мирной державы
Цветы на ратных могилах горят
Венками немеркнущей славы.

Настя Доброта

Мамины профессии

Тёплые вещи быстро и тихо
Шьёт для детишек мама-портниха.

Доит корову с утра спозаранку
В чистом загоне мама-доярка.

Зубки больные без всяких уколов
Вылечит мама – врач-стоматолог.

В детском саду очень много занятий.
Мама там няня и воспитатель.

В школе не меньше занятий. Смотрите:
Ставит оценки мама-учитель.

Из корешочка растить не устанет
Чудо-растение мама-ботаник.

Пишет в газеты статьи и записки
Мама-писатель и журналистка.

Вкусной колбаски достала с витрины
Мама, она – продавец магазина.

Плюшки и булочки кушать спешите!
Их испекла нам мама-кондитер.

Из самолёта прыгает с риском
Смелая мама-парашютистка.

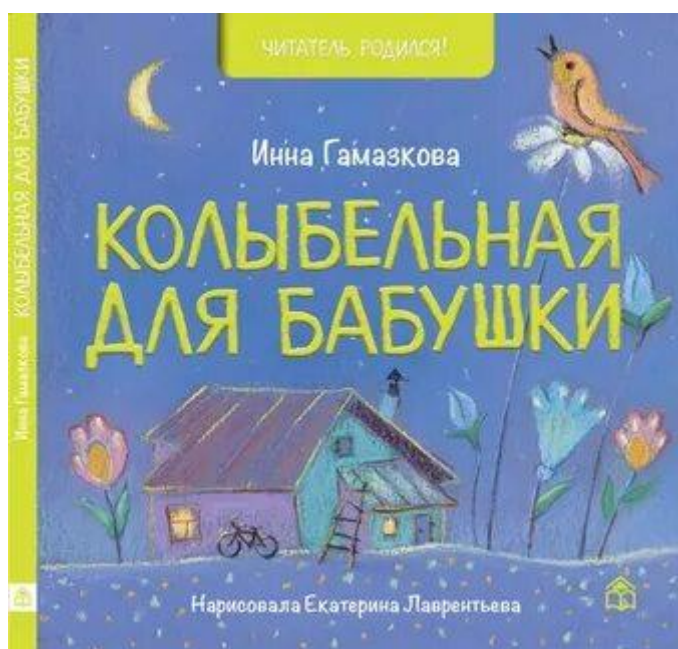
Гамазкова И.

«Колыбельная для бабушки»

Баю-баю-баюшки,
Я пою для бабушки.
Баю-баю, бабушка,
Голубушка, лапушка.

Баю-бай, моя бабуля.
Спи, а я покараулю.
Засыпай, сомкни ресницы,
И пускай тебе приснится,

Как идёшь ты за водой —
Молодая девушка,
А навстречу — молодой
Раскудрявый дедушка.

Михалков С.В.

«А что у Вас?»

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

– А у меня в кармане гвоздь.

А у вас?

– А у нас сегодня гость.

А у вас?

– А у нас сегодня кошка

Родила вчера котят.

Котята выросли немножко,

А есть из блюдца не хотят.

– А у нас на кухне газ.

А у вас?

– А у нас водопровод.

Вот.

– А из нашего окна

Площадь Красная видна.

А из вашего окошка

Только улица немножко.

– Мы гуляли по Неглинной,

Заходили на бульвар,

Нам купили синий-синий,

Презелёный красный шар.

– А у нас огонь погас –

Это раз.

Грузовик привёз дрова –

Это два.

А в-четвёртых, наша мама

Отправляется в полёт,

Потому что наша мама

Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:

– Мама – лётчик?

Что ж такого!

Вот у Коли, например,

Мама – милиционер.

А у Толи и у Веры

Обе мамы – инженеры.

А у Лёвы мама – повар.

Мама – лётчик?

Что ж такого!

– Всех важней, – сказала Ната, –

Мама вагоновожатый,

Потому что до Зацепы

Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:

– Разве плохо быть портнихой?

Кто трусы ребятам шьёт?

Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты –

Это очень хорошо.

Повар делает компоты –

Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,

Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,

Мамы всякие важны.

Дело было вечером,

Спорить было нечего.

малыш,
читай!

С. МИХАЛКОВ

А ЧТО У ВАС?

стихи

«МАЛЫШ»